

ДМИТРИЙ РА

ТОМ 5

**ПРЕВОСХОДСТВО
ВОЗНЕСЕННОГО**

Дмитрий Ра

**Превосходство
Вознесенного. Том 5**

«Автор»

2024

Ра Д.

Превосходство Вознесенного. Том 5 / Д. Ра — «Автор», 2024

Никаких сомнений. Никакого пафоса. Клань рвет друг друга на части, пока Константин Киба плетёт паутину Вознесения. Шепот Богини Паучихи услышат все... Т-т-т-т-т-т-т...

Содержание

Глава 1. Сумма родственности	5
Глава 2. Одна из нас	11
Глава 3. Новая инквизиция	17
Глава 4. Смерть героя	23
Глава 5. Сумма реальностей	29
Глава 6. Последний зайчик	35
Глава 7. Что-то начинается...	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дмитрий Ра

Превосходство Вознесенного. Том 5

Глава 1. Сумма родственности

Время: 18:05

Кевин сидит за столом главы клуба «Превосходства Неодаренных», подпирая руками опущенную голову. После сегодняшних соревнований и занятий он скинул всем членам клуба приглашение побеседовать о будущем клана. Пришли не все. Половина... Может чуть больше. Но и это много. В трех помещениях не протолкнуться от учеников.

Сразу после событий с Аннетой, Константина увели. Сначала в карцер, потом еще куда-то. Говорят, что сейчас его судят где-то в Москве.

– Это какая-то хрень, Кев.

Кевин поднимает голову, смотрит на возмущившегося. Кудрявый парень лет семнадцати. Один из пробудившихся, но доверенных людей. Беляки начинают галдеть, соглашаясь с тем, что «происходит какая-то хрень».

Кевин бы с ними согласился, если бы не одно «но»... Буквально час назад он получил от Константина письмо. Самое настоящее письмо – бумажное, написанное ручкой. Оно лежало в его сумке. Когда Константин его туда подложил – непонятно.

– Я хочу выйти из клуба, ребят.

– Угу, я тоже...

Кевин тяжело вздыхает, встает, успокаивающе поднимает руки:

– Друзья, подождите, не кипятитесь. Все мы ошарашены тем, что произошло, но...

– Ошарашены? Ты так это называешь, Кев? Аннета хоть и была Вальтом, но была нашим Вальтом. Я с ней вчера в карты играл, а она своего соклановца послала нахрен. Тот решил, что зашкварно аристократке играть в такую дерьмовую игру с черню. Так меня и назвал, представляешь? Она была клевая и...

Кевин терпеливо выслушивает одного, второго, третьего. Никого не перебивает. Недовольны были многие, они считают, что их «КК» спятил. Не выдержал собственных игр и давления со стороны школы и кланов. Почти никто не понимает его мотивов. Вначале он сплотил беляков, потом вступил в Вальты, но умудрился и с ними поругаться. По слухам разругался и с администрацией школы, сбежал от них, снова вернулся. В общем, даже Кевин ничего не понимал. А Константин редко посвящал его в свои планы. Но что-то подсказывает, что именно за таких людей нужно держаться... Это как... как... рождение новой истории. Рождение Легенды. Не повезет тому, кто будет рядом с ним, но тем, кто не с ним... тем еще хуже.

– Кто он вообще такой? – спрашивает полная девочка из его группы. – Я думаю тут нет тех, кто считает, что Костя обычный ученик? – оглядывает беляков. – Мы помним, какой он был в первые годы, верно? Обычной мышью. Но потом что-то случилось... Люди так не меняются. Кевин, не пора ли всё нам рассказать? В клубе мне нравится, никто меня не трогает, я смогла спокойно учиться, не боясь что какой-нибудь силач или валет прижмет меня в туалете и изнасилует.

Среди беляков кто-то откровенно ржанул. Девочка не красавица и ее изнасилование – такое себе...

– Я понимаю вас всех, правда, – выдавливает из себя улыбку Кевин. – Простите, но мне нечего вам сказать. Я сам знаю не больше вашего. Но у меня есть... письмо. От Кости. В нем он просит зачитать его всем, кто сегодня явится на собрание.

Из толпы выходит беляк, которого Кевин в списке членов клуба отметил как «неблагонадежный»:

– Что за письмо? Опять какие-то его игры? Слушайте, народ, вас не затрахло чувствовать себя каким-то болтиком в руках Кибы? Seriously, вам норм? Не чувствуете себя мелкой разменной пешкой?

Многие закивали, и Кевин видит, что пора что-то делать или клуб начнет трещать по швам. Кевин не понимает почему, но... этот клуб нужно сохранить. Это очень важно. Зачем? Для чего? Парень прав. Они и правда все пешки. Как и сам Кевин...

Кевин поднимает руку, сам не понимая, что скопировал эту манеру у Константина. Как ни странно, но этот жест работает. Главное, сделать правильное выражение лица.

– Итак, – начинает он со слова, которым часто пользуется Константин. – Я читаю...

«Сегодня каждый из вас стал свидетелем преступления. Жестокого и показательного. Сегодня я убил свою жену Аннету Гвидиче, которая для многих была другом. Вы можете судить меня, ругать и сомневаться во мне, но знайте, что это сделано ради спасения тех, кто решит довериться мне в последний раз...»

Ну и речь. Кевин краем глаза с опаской смотрит на реакцию беляков. Они слушают... Много раз Константин Киба делал что-то очень неприятное и непонятное одновременно. Но каждый раз его поступки оборачивались прямыми или косвенными выгодами для Клуба. Вступление к Вальтам, чтобы потом их же и унижить, участие в соревнованиях, чтобы показательно обойти все мыслимые и немыслимые правила ради того, чтобы четверо совершенно бестолковых беляков стали Вальтами. Избиение беляков, которые оказались не «своими», а «Королями Крыс», которых все ненавидят. Высказывания на всю школу, которые каждый понимает по своему и многое другое. И при этом Константин Киба все еще жив. Год назад и за сотую часть от того, что он сделал, закопали бы в лесу. Многие это понимают...

Кевин сам не знает, как у Константина Кибы всё это работает. Но после каждой его выходки клуб «Превосходство Неодаренных» становился только влиятельнее и сильнее. Он уже не успевал обрабатывать заявки на вступление. Среди желающих были и влиятельные ученики из кланов. С некоторыми теперь считаются даже стражи и аристократы.

И сейчас Кевин видит, что беляки это понимают... Не один раз Константин Киба доказывал, что за самыми странными и жестокими поступками может скрываться что-то намного... намного глубже.

Кевин продолжает читать:

«...Школа „Новая Эра“ – отныне „всё“. Мир меняется каждую секунду, а школа стала эпицентром этого изменения. Чтобы спасти ваши жизни, мне пришлось пожертвовать Аннетой Гвидиче. Когда-нибудь я расскажу вам, что произошло на самом деле и что думала на этот счет сама Аннета, но не сегодня.

Я хочу чтобы вы знали, что те, кто продолжит посещать школу – погибнут. Вы будете преданы самыми близкими друзьями. Но вот вам мой последний дар – на территории школы есть бункер, в который вы сможете спрятаться, если станет слишком жарко и вы успеете сделать хоть что-то. Кевин всё объяснит.

Те же, кто осмелится действовать, слушайте. Первое. Завтра не приходите в школу. Второе: вы явитесь по адресу, который назовет вам Кевин – мой доверенный заместитель. Третье. Там мы начнем создавать новый мировой оплот, который станет первым в истории кланом для всех. Кланом, который возвысится над другими пятью великими кланами. Кланом, где пробудятся все неодаренные.

КК.»

Кевин заканчивает читать, поднимает взгляд на офигевших членов клуба. Тишину нарушает смех. Кто-то уххатывается, сев на корточки и ухватившись за живот.

– Это... очень ха-ха... интересно. Я точно в деле, – плачет от смеха Дарен – первый валет, вступивший в клуб, которого Кевин пометил в списке как «сумма разума: хитрость, очень умный, незаметный, кажется опасным». – Так что там за адрес, Кевин?

Время 20:05

Элеонора Шмидт

Сотрудник особого отдела внешней разведки коалиции Фрагор.

Член клана Вельтешафт.

Элеонора лежит на кровати полуобнаженная, только в белых обтягивающих лосинах с цепями. Она постукивает коготками по своему мускулистому животу. На упругой и пышной груди из-за сквозняка набухли соски, но Элеонора слишком устала, чтобы встать к шкафу и одеться.

– Будь ты проклят, Киба, – тихо шипит она сама себе. – Опять устроил спектакль. Конечно, зачем держать меня в курсе своих дел.

Элеонора догадывалась, что ее беременность никак не повлияет на душевное состояние этого... этого... Элеонора запинаясь в мыслях. Она даже не знает, как его называть. Мальчиком – язык не поворачивается. Да и разрешила бы она кончить в себя какому-то ничтожному сопляку? Нет, это был ее осознанный выбор. Спонтанный, на эмоциях, но все же осознанный. Женское чутье никогда не обманывало ее в силе мужчин. А по мнению Элеоноры, Константин Киба – сильнейший из известных ей лично мужчин, уступая разве что Магнару Монтано Эдвайсу. И дело не в его одаренности и малом количестве суммы. Элеонора, прожившая все детство в радиоактивных пустошах разбирается в видах силы. Именно такого она ждала... Слабаки ее не интересуют в этом жестоком мире. Ее ребенок унаследует только сильнейшие гены.

Ее смущает только то, что такой как Константин Киба решился на этот шаг. Хотя... тогда, в ее палате, он был как будто не в себе, чем и воспользовалась Элеонора. Немного женской харизмы, страсти и... капелька жульничества. Фрагоры, по сути своей, всегда воняют. Их разлагающиеся тела надо как-то... маскировать. Поэтому есть у них одна техника, которой владеет и Элеонора. Она ее немного модернизировала, используя свою предрасположенность к газобразному. Выработала через кожу женский гормон – эстроген, и распылила его в воздухе. В совокупности с ее внешностью, беспомощным видом когда-то сильной женщины, она и смогла добиться результата. Да и день был очень удачный для зачатия. Чем не «знак свыше».

Элеонора морщит носик. Ей не нравится мысль, что она как дешевка, ковыряется в мусорке ради использованного презерватива миллиардера. Только тут вместо денег – сила.

В дверь стучатся. Это еще кто в такое время? Отстранили от дела, так еще и лезут постоянно. Особенно часто стали интересоваться Константином. Даже директор заходил, расспрашивал, как это так получилось, что учительница переспала с учеником. Элеонора послала его куда подальше, хлопнув перед носом дверью. Пока идут соревнования ничего с ней не сделают и выгнать не смогут. Она и так тут задерживаться не планирует, хотя школа ее долгие года охраняла от «НЕГО». Но он все равно ее нашел, так что нужно при первой же возможности бежать отсюда.

Элеонора цыкает. Из-за внимания к себе ей пришлось пропустить время для отчета своему настоящему начальству во Фрагорах. Это плохо... Они начнут нервничать.

Проигнорировать стук в дверь не получается. Он становится настойчивее.

– Да кто там еще? Я голая!

– Учитель Элеонора, это Вадим.

– Какой еще Вадим?

– Тернов. У меня к вам разговор. Это важно.

Цепи на ножках Элеоноры оживают, заставляя парализованные ноги двигаться. Она встает, пошатываясь подходит к шкафу, натягивает на себя белую футболку. Щелкает пальцами больше для пафоса, чем для нужды и дверь сама собой открывается. Она давно запитала цельную древесину двери своей суммой, поэтому сейчас может управлять этой материей. Вторая ее предрасположенность – предметная.

– Можно? – осторожно заходит крепкий парень из бывших силачей. Элеонора знает, что он один из самых доверенных людей Константина Кибы.

Мальчишка тихо присвистывает и Элеонора прослеживает за взглядом Вадима, опускает голову и хмыкает. Через белую футболку отчетливо проступают затвердевшие соски.

– Ты на меня пялиться приперся, наглец? – вздергивает бровь.

– Нет, учитель. У меня для вас послание. Костяныч передал. Вот...

Передает обычный конверт.

– Читал?

– Конечно, – довольно кривится Вадим. – Он же его не запечатал.

Элеонора скользит по глазами по строкам и ее сердце бьется сильнее и сильнее. Конверт в ее руках сгорает, не оставляя даже пепла. Резким движением она хватает Вадима за плечо и с легкостью затаскивает к себе в комнату, шепчет ему на ухо, прижав к груди. Мальчишка довольно розовеет.

– Идиот, ты так свободно ходишь с этим? Как тебя вообще пропустили в жилое крыло?

– Я же... э-э-э... важный птиц в клубе. Стражи как-то подобрели... Да и с работой я им помогаю – меньше беляков обижают... О, учитель Элеоноры, прижмите меня сильнее. Хочу умереть в ваших объятиях. Надеюсь, Костяныч не будет в обиде...

Элеонора не обращает внимание на наглость, отстраняется, еще сильнее понижает голос:

– Езжай домой. Ты достаточно наследил, балбес. Я сама выведу девочку из школы. Где она?

– Хм... в одной из морозилок для трупов в крематории. Я отключил питание, так что не замерзнет.

– Идиот! – еле сдерживает гнев Элеонора. – Это герметичные камеры. Там нет воздуха. Так трупы дольше сохраняются.

Глаза Вадима расширяются. Элеонора отталкивает его, выскакивает в коридор и уже собирается в таком виде бежать в крематорий, как свет тухнет. Даже дежурный не горит. Только тусклые звезды слегка освещают пространство через окна.

– Что за... – выходит за ней Вадим, нервно оглядываясь. – Щитки выбило? Где резервный генератор?

– Молчи.

Элеонора меняет структуру водорода в воздухе, распространяет сумму во все стороны. Это что-то вроде локатора, если враг слишком хорошо прячется.

Что с этой чертовой школой не так? Такое ощущение, что половина стражей просто испарилась? Это из-за соревнований? Или директор специально понизил уровень безопасности? Устроил тут арену для разборок? Элеонора ругает себя, что слишком увлеклась своим положением и потеряла бдительность.

– Элеонора Шмидт, – звучит голос откуда-то сверху.

Она резко отталкивает Вадима обратно в комнату, а сама отскакивает в сторону, вздергивает голову.

Сначала ей показалось, что к потолку прилип огромный паук, но присмотревшись различает человеческие контуры.

– Ты кто такой? Тебе жить надоело? – слащаво и угрожающе спрашивает она.

Человек говорит с акцентом. Азиатским. Джуны? Какого черта им понадобилось от нее?

– Элеонора Шмидт, у вас есть выбор. Либо вы идете с нами добровольно, либо мы устроим в школе бойню. В любом случае мы своего добьемся. Выбирайте.

Локаторы засекли еще двоих... троих... Нет... несколько десятков Джунов окружили ее. Элеонора облизывает губы, слегка высовывает язычок, пробует на вкус воздух. С ним что-то не то. Какой-то плотный. Она слегка топает каблучков о каменный пол и понимает, что звуков нет. Привычное эхо не расходится во все стороны. Никто не услышит, что тут происходит. Судя по всему, обесточили всю школу, поэтому никто не придет разбираться именно сюда.

– Скажи, что вам надо, тогда я подумаю.

– Мне лишь велено привести вас любой ценой, Элеонора Шмидт. А если вы знаете кто мы, то знаете, как мы выполняем указания «любой ценой».

– Я член главенствующего клана, придурок! Учитель школы «Новая Эра». Думаешь, у вас получится без шума со мной справиться?

– Вы не слышали меня, Элеонора Шмидт. Я сказал любой ценой. В том числе ценой школы, детей и отношений с другими кланами.

Он не шутит. Джуны вообще шутить не могут. Но зачем им так рисковать? Зачем идти на такие крайности? Они что, в открытую готовы устроить разборки на территории Исталов из-за нее? Разве из-за недавних событий Джуны не сблизилась с Исталами? В этом нет никакого смысла...

Элеонора соображает быстрее, чем когда-либо в своей жизни. Она должна представлять какую-то ценность, чтобы они на такое решились. Это связано с Константином? Вряд ли они посчитали, что Элеонора ценная заложница, да и не помнится, чтобы Константин ссорился с Джунами.

Странно...

Мысли Элеоноры метаются со скоростью света от одной нейрона до другого. В чем ее ценность для Джунов?

Пазл...

Ее отец был непросто особенным. Говорят, что он один из тех, кто мог быть пазлом у Фрагоров. Сама она им не является... Это точно. Могла им быть, но не стала. Ее проверили и сказали, что шансы крайне минимальны. Она лишь ключ.

Тогда почему?..

Как раз потому что она ключ к пазлу? Дальний родственник Одного из Пяти, предки которого ушли в Радиоактивные Области?

Не может быть. Ключей много. Слишком велики риски для Джунов ради такого мелкого куша. Тут что-то глубже...

Константин Киба? Константин Киба... Он тоже предрасположен и сильно. Может ли быть, что это как-то связано с...

Элеонора касается двери. Часть дерева на ней искажается, меняет структуру, становится податливым. Дерево будто пластилин, наползает на ее руку, приобретая очертания деревянного кинжала.

– Это бессмысленно, Элеонора Шмидт. Мы знаем на что вы способны. Вам не совладать с нами.

– Закрой рот, узкоглазый, – скалится Элеонора. – Я не собираюсь с вами драться.

Свободной рукой Элеонора задирает себе футболку, оголяя живот. Деревянным клинком касается его, морщится. Небольшая царапина для убедительности не повредит.

– Я собираюсь вспороть себе свой красивый животик. Харакири, так вы это называете? Надо быть полной идиоткой, чтобы согласиться попасть в плен к таким кровожадным маньякам. Я слышала, что вы делаете с людьми в своих подвалах.

За спиной пыхтит Вадим Тернов. Надо отдать должное мальчику, он не испугался. Готов биться, зная, что не победит. Но это неважно... Важнее то, что тени вокруг зашевелились. На

потолке показались еще двое Джунов. Они выпрямились, готовясь напасть и теперь кажется, что стоят на потолке, прилипнув к нему подошвами.

– Это бессмысленно, Элеонора Шмидт. Мы не дадим вам умереть. Ваше ранение только облегчит наше дело. Вы все равно выполним приказ.

– Да? Ну что ж... – Элеонора слегка вдавливая деревянное лезвие в живот. Струйка крови капает на пол.

– Стой! Остановись, Элеонора Шмидт! Не делай глупостей...

Элеонора покрывается испариной. Но не от боли. А от понимания, что Джунам нужно, чтобы она пошла с ними добровольно. Они не хотят ее ранить, несмотря на то, что это сильно облегчило бы их задачу. Напили бы потом ласточкой и утащили без лишнего шума.

Они боятся... Боятся, что она вспорет себе живот... Навредит сама себе. Почему?

Белоснежные зубы Элеоноры скрежетнули так, что за ее спиной вздрагивает Вадим Тернов.

Какое-то отдаленное и безумное чутье сигнализирует тревогой. Может ли быть, что Джунам, возможно, нужна не она, а ее ребенок, который сейчас размером с горошину? Ребенок, который еще даже не стал существовать. Ребенок, который родится еще очень нескоро, но уже чувствуется внутри.

Как быстро жизнь стала испытывать ее, как мать. Это произошло слишком быстро.

– Вы... – опускает она голову – Вы...

– Элеонора Шмидт, успокойтесь. Мы не причиним вам вреда. Слово чести.

А эти слова лишь подтверждают подозрения Элеоноры. Значит ей они не причинят вреда... А ему причинят?..

– Вы... куски азиатского дерьма...

Титаническим усилием воли Элеонора заставляет себя успокоиться, достает из специального латексного кармашка усиленную суммой жвачку, оборачивается на Вадима Тернова:

– Мальчик, послушай меня... – сует в рот, интенсивно жует.

В воздухе отчетливо чувствуется запах мяты. Под ногами Элеоноры пол покрывается трещинами.

– Выживи. Скажи ТОЛЬКО ЕМУ, что во мне зарождается редчайший пазл по линии Фрагоров. Скажи, что времени мало. Выживи любой ценой, понял? Я дам тебе совсем немного времени. Беги... мальчик...

Выплеск сорока единиц суммы разъяренной матери настолько мощен, что школа жалобно содрогается...

Глава 2. Одна из нас

Аннета Гвидиче

Аннета Гвидиче ничего не видит и не чувствует ног из-за холода. Все что она помнит, это как уснула, а потом... ее куда-то везли. Она спала или уже умерла, но видела странные и очень реалистичные сны... Будто она не здесь, а где-то... в другом месте. Месте, где есть странный и очень тихий лес. Лучи солнца лениво пробивались через кроны деревьев. Ни ветра, ни пения птиц, ни стрекота насекомых. Только самая красивая женщина из всех, каких она когда-либо видела. Она не спеша ходила между толстыми стволами и когда они встретились взглядами... Женщина грустно и... как-будто сочувственно, улыбнулась, и Аннета проснулась.

Вадим Тернов в этот момент с серьезным лицом запихивал ее в какую-то коробку. Она хотела закричать, но... не закричала. Потому что вспомнила, что происходит.

Тут было очень холодно, но Вадим отдал ей свой пиджак, люк над головой закрылся и Аннета погрузилось в самый страшный кошмар больных клаустрофобией.

Аннета не знает сколько прошло времени. По ощущениям неделя, но наверное всего пара часов. Но важнее то, что Аннета почувствовала тяжесть в груди. Сначала легкую, но потом... она стала понимать, что происходит... Воздух. Ей не хватает воздуха. Попыталась прощупать окружение, но наткнулась только на холодный камень. Из-за этого, она начала паниковать и дышать учащенно.

Это может быть только холодильник для трупов. В стене крематория таких несколько десятков. Вадим спрятал ее в один из них. Несмотря на то, что он, похоже, отключил холодильную камеру от электричества, здесь все равно очень холодно.

Дыши, Аннета... Ровно, не спеши. Экономь воздух.

Костя тебя не бросит. Он только кажется злодеем и безразличным эгоистом. Аннета знает, что в душе он... её не бросит. Они договорились. Они заключили сделку... Она поверила в его очередную безумную затею.

Вот всегда так... Почему всё, что бы не сказал Константин Киба воспринимается за правду и единственно верное решение? Почему он может сказать любую глупость, а люди будут слушать его развесив уши? В этом весь Костя. Умеет убеждать... Даже ей он сказал, что видит в ней какой-то там потенциал. Какой? Почему? Откуда? Всю жизнь она была изгоем среди аристократов. Ее тиранила сестра, избивала мать. Она могла только рыдать от беспомощности. Какой тут потенциал? Смех, да и только...

Через десять минут или три часа у Аннеты заболела голова. Черный мрак вокруг и холод сдавливали психику.

– Костя, – жалобно шепчет она. – Где же ты...

Ну вот опять. Она только ноет и ждет помощи.

Аннета пытается освободиться, но быстро понимает, что люк открывается только снаружи.

Паника...

Она открывает рот, чтобы закричать, но...

...руки вопреки ее желанию зажимают губы.

Нельзя. Если кто-то узнает, что ты здесь, то всем будет потеряно. Весь план Константина Кибы провалится.

Т-т-т...

Голова болит сильнее. Аннета теряется во времени и пространстве, не понимая, упала она в обморок или это уже галлюцинации из-за недостатка кислорода в крови.

Потом она слышит голоса. Какие-то люди заходят в крематорий и эмоционально переговариваются, о чем-то спорят и ругаются.

«Зови их... тогда спасешься...»

Губы Аннеты дрожат. Ее внутренний предатель прав. Ей достаточно позвать на помощь и она точно выживет. Все закончится. Ее освободят из этого маленького ада. А Костя... Костя выкрутится. Он что-нибудь обязательно придумает. Переиграет. А она будет жить и радоваться. Вступит в наследство. Уедет куда-нибудь на острова. Подальше от всего этого.

«Кричи... Тогда выживешь...»

Воздуха осталось и так мало, но Аннета втягивает его в легкие чтобы закричать и...

... захлопывает рот, больно прикусив себе язык. Молчать! Молчать! Молчать!

T-T-T-T-T-T-T-T-T-T-T-T-T-T-T-T...

Слезы текут из глаз, но Аннета только сильнее сжимает язык.

«Оно того не стоит...» – продолжает уговаривать ее воображаемый страх.

«Он предал тебя... Обманул... Обменял на красивее... умнее... сильнее... опытнее...»

Аннета сжимает кулачки. Острые ноготки врезаются в холодные ладошки.

«Ты молода... красива... богата... живи...»

Молчать! Молчать! Молчать!

T-T!

Воздуха почти не осталось. Она чувствует это всем телом. Дышать равномерно больше не получается. Аннета с жадностью втягивает воздух, тихо хрипит. Руками хватается за горящую грудь.

Умирать так страшно...

Аннета слышит, как шаги удаляются. Люди уходят.

«Он погрузит тебя в страдание и боль... ради своих целей... ради чужих идей... ты знаешь, что это так...»

Аннета хрипит слишком громко. Шаги одного из людей в крематории замирают на месте.

Словно кто-то что-то услышал, решил задержаться, прислушиваясь...

«Твой последний шанс... освободиться...»

Последний шанс... Последний шанс... Последний шанс...

Аннета сжимает кулак, чтобы стукнуть по стенке. Тогда ее наконец-то услышат и освободят.

Взмах рукой!

«Всё верно...»

Удар кулачком приходится по вздымающейся груди. Легкие освобождаются от последних остатков кислорода, прочищая горло от громкого хрипа.

Сил дышать больше нет... Последняя возможность упущена. Шаги ее спасителя затихают где-то далеко... далеко...

Аннета теряет сознание и больше ничего не слышит, не видит, не чувствует... Ее сердце вскоре останавливается...

Түк... Түк... Тү... Т... Т... т-т... т-т-т-т-т-т-т... Тхэ`ар Мааг-г Хоа`ах!

Тени сгущаются. Они прибывают отовсюду. Тени тех, кто навечно в Её объятиях. Тех, чьё наследие живет из поколения в поколение. Тени убитых, преданных, не сдавшихся, верных до конца.

«Одна из нас... Одна из нас... Одна из нас... Одна из нас... Одна из нас... Одна из нас...»

Прекрасная женщина слегка кивает, скрывается за деревьями, оставляя на них борозды от шипов на хитиновых конечностях.

T-T!!!

В гробу и так темно, но когда наступает первозданная тьма, без оглядки убегает даже ночь. Грудь Аннеты Соф наполняется ею...

Вдо-о-ох... Выдо-о-о-ох... Вдо-о-о-о-о-ох... Выдо-о-о-о-ох...

[illegible]

Аннета Гвидиче просыпается от того, что во рту что-то мерзко и влажно копошится...

Она резко вскакивает на ноги, больно ударившись лбом с Вадимом Терновым:

– Млять! – громче, чем следует орет Тернов, потирает ушибленный лоб. – О, жива...

Нормуль...

– Ты что делаешь, Тернов?! – кашляет Аннета, тяжело дыша.

– Как чего? Засосное спасение? Рот в рот, – скалится он.

– Искусственное дыхание?! С языком?!

Она замечает, что Вадим Тернов весь в порезах и синяках. Свисающую и вывернутую под неестественным углом руку он придерживает здоровой. Но при этом лыбится, как дурак:

– Никто не поверит, что я тискал обеих девиц Костяныча хе-хе...

– Ты... ты...

Вадим резко становится серьезным:

– Так, хватит болтать, слышь. Поудивляемся потом, как ты умудрилась выжить. Может щелка осталась... А, ну точно. Я же это предусмотрел. Я же не болван какой, а? – неравно хмыкает Вадим. – Костяну рассказать не забудь. Премия там, фигемея. Он мне задолжал.

Грохот!

Да такой сильный, что на стене отчетливо образовалась трещина. Аннета скукоживается в комок.

– Ч... что происходит?

– Проще сказать, что не происходит. Но в целом – жопа. Одевайся, в дороге расскажу, – Вадим кидает куртку с капюшоном и джинсы. Слишком большие для нее.

Аннета не задает вопросов, натягивает на себя мешковатую одежду.

– Зашибись. В такой ходячей тряпке нашу Анетку точно не узнают. А теперь погнали...

Аннета пытается встать на ноги, но они ее не слушаются, она падает на пол.

– Ну твои ж плоские сиськи...

Вадим подхватывает ее одной рукой, закидывает на плечо. Аннета не понимает, что ее больше возмущает. Происходящее, или это отвратительное заявление о ее груди, между прочим, второго размера!

Вадим выскакивает в коридор и Аннета видит... ужас. Это уже не школа, это развалины. Повсюду разрушения, беспорядок, стены потресканы. Нет, конечно, не все так плохо, как рисует ее воображение, но то, что тут, как минимум, пробежало стадо американских буйволов — это точно.

Аннета чувствует, как Вадим увеличивается в размерах, запитывая мускулатуру суммой. Одним прыжком он оказывается у окна и с легкостью выбивает его вместе с рамой не очень умной головой. Выпрыгивает...

Аннета пищит в полете, как испуганная девочка, но земля ближе, чем казалось. Крематорий находится на первом этаже.

Вадим бежит к лесу, юрко обегая камеры по слепой зоне, которую разведал Костя.

– Почему так темно? – на ходу спрашивает Аннета.

– Обесточена вся школа. Хер знает, может даже камеры не работают. На всякий случай обойдем... Джуну в школу явились за Элькой.

– Элькой? Учителем Элеонорой?

– Ага. Она им такую взбучку устроила, у-у-у... Потом стражи налетели, директор. На пятом этаже щас такая хренотень творится. Я толком ничего не разглядел. Элька меня за шиворот, топает ногой, потом грохот, в полу дырень делает, швыряет в нее. Я даже сообразить не

успел, как оказался на два этажа ниже. Если бы не сумма крепости, стал бы лепёшкой. Хм... А Элька знала про мою крепость вообще, когда швыряла? Хм...

– Зачем им Элеонора?

Вадим долго молчит:

– Не знаю. Но судя по тому, что успел увидеть, Джуны своего добьются... Их там полклана слетелось. В общем, пиз...

– Не ругайся...

– Ты серьезно? Ладно, забудь... Костяныч сказал, куда валить, если что-то такое случится. Ты знала, что этот обормот уже тропу истоптал от школы до города? Даже какую-то дырку в заборе сделал. Ахренеть... А я думал это сложно. Ты там гляди, вдруг кто за нами ломанется. Хотя... вряд ли...

Какое-то время бежали молча. Вадим казался какой-то машиной – не сбавлял темпа и даже дышал ровно, сшибая кусты и ветки. Как он не спотыкается в такой темноте тоже вопрос.

– Слушай... – неожиданно прерывает он молчание... – Я э-э-э... щель, конечно, оставил, но... там же коробка. А ты... часов шесть-семь там точно пролежала... э-э-э... как ты... ну... дышала?

– Выжила, ты хотел сказать? – улыбается Аннета. – Щелку, значит, оставил?

– Конечно!

Аннета перестает улыбаться:

– Я... не знаю. Мне снился очень... странный сон. Я видела очень красивую женщину...

– А, ну понятно. Под спайсами значит была. Ну тогда понятно...

– Тернов! Что ты несешь?!

– Это не я набухался в школе... Женщина, говоришь? – тише переспрашивает Вадим. – Прям красивая?

– Эм-м-м, ну да...

– Как выглядела?

– Не помню уже... А почему ты спрашиваешь?

– Да так...

Вскоре Аннета с Вадимом оказались за пределами школы. Шум городов, запах гари и выхлопных газов. Дерущиеся кошки и серое небо. Аннета никогда не думала, что будет так радоваться серости города.

Она чувствует себя... свободной. Свободней, чем когда-либо. Странное чувство.

– Тэ-тэ-тэ-тэ, – довольно бубнит себе под нос.

– Чего это ты? – удивляется Вадим.

Аннет пожимает плечами:

– Да что-то полежала там, да из головы теперь не лезет...

– Наркоманка.

– Тернов!

Срочные Новости «РТ»

– В эфире наш специальный корреспондент Анатолий Бессермэн. Анатолий, что у вас происходит?

– Здравствуйте, Анастасия. Сейчас я нахожусь буквально в ста метрах от эпицентра событий. Полиция перекрыла весь периметр специального образовательного учреждения «Новая Эра». Как и раньше, за территорию никого не пускают, но вы можете видеть дым и... ох ты ж... Прошу прощения. До самой школы несколько километров, но каменные осколки сыпятся мне прямо на голову.

– Это теракт, Анатолий?

– Нет, Анастасия, это не теракт. К сожалению, все намного хуже. Коалиция «Джунсиначи» в открытую направила своих одаренных в школу и без преувеличения устроила там... не могу пока комментировать, что они устроили, но явно ничего хорошего. О пострадавших пока речи не идет, но вы сами понимаете... происшествия таких масштабов без них не обходятся.

– Вы буквально вестник дурных новостей, Анатолий. Скажите, есть ли какая-то адекватная причина, почему Джунчиначи это сделали?

– Пока неизвестно. Представители власти не дают никаких официальных комментариев. Но могу сказать, что согласно международному уставу ООМ, территория школы в день Отборочных Соревнований является прибежищем для всех великих коалиций. Если судить формально, то Джунсиначи не напали на Исталов. Она напали на всех.

– Анатолий, а что с официальными лицами Джунсиначи в Российском Кластере? Они уже прокомментировали ситуацию?

– Тут мне тоже нечем вас порадовать. Мне сообщили, что Консульство Джунсиначи пусто. Такое ощущение, что там никого и не было. Еще утром, мы могли видеть на камерах, как туда идут сотрудники, а сейчас... будто сквозь землю испарились. Скажу больше. Дом консула Джунсиначи Хидана Мацуо тоже пуст, а сам он и его люди пропали.

– Они сбежали, Анатолий? Прервали все дипломатические отношения? Разве это не подтверждает их враждебные намерения?

– К сожалению, так оно и есть, Анастасия. Боюсь, что сегодня коалиция Джунсиначи объявила войну всему миру. Стоит признать, что их политика и устаревшие устои «чести и достоинства» всегда были чужды цивилизованному обществу, привыкшему взаимодействовать крепкими договоренностями, а не клятвами крови. Рано или поздно это должно было произойти. Но надеюсь, что я ошибаюсь.

– Давайте не будем спешить с выводами и подождем комментарии официальных лиц. Спасибо, Анатолий. Это были срочные новости «РТ». Мы будем держать вас в курсе событий.

Судебное разбирательство.

Я отстранился от всего лишнего. Ора судьи, вопросов корреспондентов, держащего меня за рукав адвоката. Сейчас важнее другое – Монтано зашел посреди разбирательства, как к себе домой. Сначала на него обратили внимание, но это продлилось недолго. Он слегка стукнул тростью о пол и люди будто потерялись, не понимая, зачем они вообще обернулись.

Он знает...

Или догадывается...

А еще он знает, что я знаю и догадывается, о чем я догадываюсь. Вроде мы просто смотрим друг другу в глаза, но словно общаемся, обмениваясь угрозами.

Краем уха слышу, что Судья начинает гнуть линию о моем психическом здоровье. Что я, возможно, не до конца иммунен к яду Аннеты и слегка чеканулся. Надо бы провериться... Ну ясно. Это очевидный маневр. Если я попаду в психушку, то там быстро поставят правильный диагноз.

Смотрю по сторонам. На разбирательстве нет никого, кем можно было бы заслониться. Парочка одаренных от представителей кланов и куча лишенных – в основном корреспонденты. Монтано знал, что никто ему тут не угроза.

Тук...

Он стучит по полу еще раз и все камеры резко устремляются на Судью. Пользуясь этим, Монтано спокойно проходит через весь зал, не палясь. Никто его не замечает. Вот он задевает какую-то бабульку плечом, а та только машет головой, не понимая, что происходит.

Он приближается, садится рядом со мной, поправляя белоснежный фрак.

– Игры закончились? – хмыкаю я, отворачиваясь от Монтано на Судью.

– Игры закончились. Кто ты?

– Я- Кэр.

– Мне расплавить твои мозги прямо сейчас? Вырвать правду из твоей лживой чере-
пушки? – совершенно спокойно спрашивает Монтано.

– О, это вряд ли. Ты отвлек внимание от себя, но не от меня. Именно поэтому я еще жив
– публично ты меня убивать не хочешь. Это уже полезная информация.

Монтано никак не реагирует на то, что я перехожу на «ты».

– Это ты устроил весь этот беспорядок?

– Смотря какой. Я много чего устроил. Какой именно беспорядок тебя интересует?

Какое-то время молчим. Нас с Монтано не интересует, что происходит вокруг. Муравьи
есть муравьи. Так мы оба думаем.

– Ты паук? Какого ранга?

– Ранга? – поднимаю бровь. – Неужели орден так плохо осведомлен о нашем... хм...
обществе? Ожидал большего. Видимо, ты из младших инквизиторов. Это хорошо... Если бы
Майн Второй самолично явился в этот мир, то мне было бы намного тяжелее. Говорят, он
сильнейший среди вас.

– Его Преосвященству хватает дел в Варгоне, паук. Я как понимаю ты тоже не Давара
Соф.

– Беру свои слова обратно. Вы знаете достаточно. Что ж... ничего утверждать не буду.

– Как ты смог попасть сюда? Откуда на тебе наша метка? Вас много? Или ты один?

– А-а, а вот еще одна причина, почему я жив. Сколько вопросов без ответов.

– Разумеется, – слегка кивает Монтано. – Сначала я вырву из твоей головы всё, что тебе
известно. Лишь потом убью. Но если ответишь хоть на один мой вопрос, так уж и быть, дам
тебе фору. Минуту после того, как выйдешь из зала суда.

Удивленно поворачиваю голову на Монтано. Вот тут он меня подловил. Что за игру он
затеял?

– С чего такой аттракцион щедрости?

– Так ответишь? Или нет?

Думаю какое-то время. Это по-любому подстава. Он не может меня убить сейчас,
поэтому придумал какую-то хрень. Минуту... Ага, как же... Неужели думает, что я начну пани-
ковать, убегать, а он мне в этом поможет, а потом тихо придавит где-нибудь в темном проулке.

– Отвечу, почему нет. Правда могу соврать, уж извини, инквизитор.

Монтано Эдвайс медленно поворачивает голову, смотрит мне в глаза.

– Тебе не понравится этот вопрос, паук.

Глава 3. Новая инквизиция

Вопрос, который мне не понравится? Ну, это надо постараться.

Монтано пронизывает меня отвратительно-ледяным взглядом безразличного ублюдка:

– Ты уверен, что ты – это ты? – края его губ приподнимаются.

Ну замечательно. Я почти стал переживать, а тут хрень болотная. От Ордена Закатной Звезды мы отличаемся более рациональным взглядом на мир. Эти же фанатики обожают пофилософствовать, глядя на звезды.

– Конечно, нет. Уверен, что я – это ты, – не сдерживаю сарказма.

– Ты меня не понял, паук. Твой символ на спине – это символ веры в Орден. У меня есть все основания полагать, что ваше паучье племя не способно на перенос. Вы просто воспользовались нашими возможностями. Дай угадаю. Что-то сделали с ребенком-носителем в Варгоне?

К сожалению, инквизитор прав. Я лично похитил когда-то ребенка и отнес его ведьмам, а они, наверное, вернули его обратно после своих черных делишек. Меня тогда еще очень удивило, что вокруг дома обычного крестьянина находилось столько соглядатаев ордена. Но я связал это с тем, что на днях, по ближайшему тракту, должен был проехать конвой повелителя местных земель. Теперь всё понятно.

– Молчишь? – отворачивается Монтано, постукивая по навершию трости. – Я скажу тебе одну маленькую хитрость. Символ веры проявляется только, если нужная душа явилась в этот мир. В данном случае, душа моего брата Кэра. Теперь ты понимаешь, почему я тебе поверил?

Хорошо. Признаю. Поганый инквизитор оказался прав. Мне действительно это не нравится.

– Зачем ты мне это говоришь?

– Потому что вы как-то вмешались в ритуал переселения. Как... паразиты. Зацепились за душу моего брата. Я думаю... что он всё ещё в тебе.

Тишина. Очень неприятные ощущения скребутся где-то чуть выше живота. Будто я только что узнал, что у меня опухоль размером с ананас. Монтано продолжает:

– Кэру нужно лишь помочь пробудиться... Совладать с тобой. Перенос осуществляется только в слабые тела и разум, но ты занял тело первым. Очевидно, что Кэр не смог подавить одного из пауков. Обязан признать, вы слишком сильны.

– Вот оно что. Интересная теория.

– Мои теории всегда верны, паук. Кэр в тебе. Теперь ты это знаешь. А значит, я уже помог ему справиться с тобой. Потому что то, что знаешь ты, знает и его спящее сознание. Это как сон. Но теперь он понимает, что спит и будет стараться проснуться.

Потираю висок разболевшейся головы:

– А я-то гадал, зачем тебе со мной разговаривать... Явился сюда так пафосно. Ну... значит я точно еще поживу.

– Поживешь, паук. Обязательно поживешь. Но не радуйся раньше времени. Я выдавлю тебя из брата, а потом раздавлю собственными руками. Таков мой долг перед народом и орденом. Варгон стонет от боли из-за вас. Вы – паразиты двух миров. Хуже демонов.

– Какие высокопарные речи.

– Зато правдивые, – Монтано резко поворачивает шею, впивается в меня глазами. – Скажи, паук, ты никогда не сомневался в своем деле?

– Сомневался. Может лет двести назад. А ты?

– Двести? А-а, значит ты Альв. Тогда, полагаю, что ты еще и один из теней паучихи? Так вы себя называете.

– Это очевидно. И людей у нас не так уж и много. Уж это ты должен знать.

– Давара Соф – человек.

Мой глаз дергается. Этот инквизитор не простой. Он знает очень многое и почему-то не пытается этого скрыть. Да, Давара Соф и правда единственный человек среди Теней Шиилы. При этом первая из нас. Я как-то спрашивал ее об этом, но получил в ответ лишь молчание и тринадцать лет не самых приятных заданий. Намек я тогда понял. Но это не значит, что я перестал задумываться о том, как человек может прожить столько лет и превзойти Альвов, которые наследуют таланты и опыт своих предков на генетическом уровне. В каком-то плане вся наша раса – единый разум.

Видимо, Монтано замечает мое замешательство:

– Никогда не встречал теней. В ордене многие боятся даже думать о вашем существовании.

– Не могу сказать того же. Сбился со счета, скольких инквизиторов я убил.

Впервые замечая, как Монтано проявляет эмоции. Его желваки каменеют, но он сразу же берет себя в руки:

– Тогда, полагаю, переубедить тебя не получится. Говорят, что среди теней не бывает предателей. Вас как-то... прочищают от этого. Делают марионетками.

– Ты можешь считать, как тебе удобно.

Инквизитор ошибается. Нас не прочищают, не пользуются ментальной магией. Не ковыряются в мозгах и тому подобное. Нас проверяет сама богиня. Каждого, кто достоин. Шиила не заставляет и не убеждает, что будет легко. По крайней мере, так говорится в писаниях. Никто точно не знает, на что похожи её проверки. Известно лишь, что о них сразу же забывают, но потом... становятся другими. Звучит крипово, но я сам через это прошел. Помню лишь уверенность... силу... веру...

Хм... если так подумать, то это как раз очень похоже на промывку мозгов. Только... почему я раньше об этом не задумывался?..

Т-т-т...

– Мне кажется, или я вижу сомнения? – первый раз улыбается инквизитор.

Гниль подземная...

– Не переживай, паук. Ты в этом теле совсем недавно. Весь твой опыт и знания проходят проверку телом, в которое ты попал. А оно, как ты сам понимаешь, слабое. Обычный мальчишка, думающий не всегда правильным местом. Насколько я знаю, ты умудрился переспать с учителем в школе? И даже зачать ребенка. Кто бы мог подумать... И это мудрый и расчетливый Альв из рода прародителей? – Монтано откидывается на спинку, явно довольный своим анализом. – Но ты не переживай. Я сам был таким. Но, в отличие от тебя, успел с собой справиться. Сейчас я в сильном, зрелом организме и могу раздавить тебя как... мелкого паука. Или...

– Или?

– Или ты воспользуешься тем, что судьба дала тебе второй шанс посмотреть на себя другими глазами. Твоя слабость сейчас – это твоя сила. Ты сможешь понять то, чего не понимал раньше. Например, что вы не правы. Ваша богиня не права. Ты только вдумайся. Что хорошего может сделать высшее существо, которое наполовину паук? Неужели ты веришь, что она и правда переживает о чем-то, кроме себя? Вот тебе пример. Однажды мой орден раздавал пищу нуждающимся в Мильене – таборе полуросликов. У них тогда случился пожар. Знаешь же таких? Совершенно безобидный народ, промышляющий рыболовством. На этом и живут. Так вы в пищу подсыпали поистине ужасающий яд и подставили нас. Теперь этого народа больше нет. Этого хотела ваша паучиха?

– Я помню этот случай, инквизитор. Полурослики кормили ваших людей на всем северном континенте. Только они могли вылавливать рыбу из Кипящего моря. После их небольшого геноцида вашему войску нечем стало кормиться, а поставки были сложны из-за географии

континента. Вам пришлось покинуть пустоши, а четверть мира невзлюбила Орден. Тем самым мы уменьшили ваше влияние в Варгоне. Ах, да, это я их отравил. Меньшее зло...

– Какая наивность. Кто-то посчитал нас бОльшим злом, поэтому смерть полуросликов стала меньшим. Замечательное оправдания зверства. Ты сам-то в это веришь?

Вздыхаю:

– Так и будем сотрясать воздух, м? Может теперь мне попробовать тебя переубедить?

На удивление, Монтано смотрит на меня каким-то странным, заинтересованным взглядом.

– Может... Но ты опоздал. Если бы какой-нибудь мудрый Альв наставлял меня в первые дни появления в этом мире, то... всё могло случиться. Но я был один и окреп в своих убеждениях. Ты просто не сможешь. Поэтому сейчас весьма грустно, что ты не слышишь моих слов и упускаешь шанс, которого не было у меня. Ты отказываешься видеть факты. Факты того, что паучиха принесла в этот мир одни лишь страдания. Сумма – жалкое породие Эфира, уничтожило треть Земли и продолжает его уничтожать. Если бы не наши Старейшины, которых здесь называют Пятеро, то Новая Смута продолжилась. Но мы явились сюда и спасли этот мир. Не дали паучихе сожрать его до конца. Миллиарды людей тогда погибли. И если бы не мы, погибли бы и остальные. Как ты думаешь, богиня которая допускает подобное, заслуживает твоей верности? Ты правда веришь, что существует бОльшее зло, чем это? Да даже если бы это спасло Варгон, разве обмен одного мира на другой можно считать меньшим злом? Подумай, паук.

Хм... Я буду глупцом, если не прислушаюсь к сильным словам. Как минимум, я должен сделать вид, что меня это задело. Показав сомнения, я чуть-чуть обезопасю себя. Вдруг Монтано посчитает, что можно переманить меня на свою сторону и не убьет слишком скоро.

Да и... гниль его раздери, он, в какой-то степени, прав. Тяжело придумать меньшее зло, чем то, что случилось на Земле. Вот только Монтано, как и я, может чего-то не знать. Чего-то не понимать. Да, это бесит, но это факт. Возможно, случившаяся Новая Смута была случайностью. Даже боги могут чего-то не учесть и ошибиться. По крайней мере, хочется верить в это...

«А может ты просто боишься потерять свою крутизну?... Сомнения – слабость. А ты не хочешь быть слабым. Ты ведь Альв. Лучший из лучших. Тень Шиилы. Боишься стать никем?..»

Воу. Отвратительнее мысли я давно в себе не замечал. Лет так сто, минимум. Ладно, хватит с меня этого...

Т...

– Я подумаю над твоими словами, инквизитор, – серьезно отвечаю я, показывая ему свои «сомнения». Надеюсь, это хоть как-то мне поможет.

– Боюсь, у тебя не так много времени подумать, паук. Всего минуту, после того, как окончится рассмотрения этого дела.

– И что потом?

– Потом... ты и узнаешь, – Монтано встает, поправляет фрак. – Ах, да, чуть не забыл. Ты, наверное, удивлен, почему я пришел так поздно после всех твоих последних выходов? Знаешь ли, я человек, который любит задавать вопросы. Поэтому прежде, чем встретиться с тобой, я многим задал вопросы. Хотя, некоторые даже не подозревают об этом. Ну, ты знаешь, в ментальном плетении эфира я, пока что, лучший в этом мире. Так о чем я? Ах, да. Было непросто, но я нашел твою матушку... Которая вовсе тебе не матушка. Она просто бродила по улицам, пуская слюну, как ненормальная, держа исхудавшую девочку под руку. О, вижу тебя это чем-то задело? Да? Или мне кажется? Но не суть, можешь не переживать, девочку я от нее забрал, накормил, напоил, купил игрушек и передал на воспитание очень хорошим людям. Интереснее другое. В голове твоей матери я... не нашел ничего. Там пусто.

Монтано сканирует меня взглядом. Я же сижу, как изваяние, без чувств и эмоций. Он ничего не сможет понять. Не знаю, с чего он решил, что меня «задело».

Кивнув чему-то, Монтано продолжает:

– Ты, наверное, догадываешься, что в этом мире нет никого, кто может лишить человека всех воспоминаний, оставив только животные инстинкты? Даже я на это не способен. Понимаешь, к чему я? – делает паузу, продолжает: – Но кое-что я все-таки в ее голове нашел... Кроме пустоты, горечи по утрате сына и... жгучего желания уберечь дочь. И знаешь что это?

– Просвети меня.

– Мерзкое, склизкое и темное присутствие темного эфира. Однажды я встречал что-то подобное в Варгоне, когда ковырялся в голове одного из ваших неофитов, который вас предал и шел к нам. Вот только не дошел. Его нашли мои люди в таком же состоянии, как и твоя мать. Пускающим слюни. Ты знаешь что с ним произошло?

Киваю. Да, знаю. Нельзя предать Шиилу. Можно отказаться от служения, можно даже просто сбежать или разболтать лишнего, не выдержав пыток. Она поймет. Но никогда... никогда нельзя по собственному желанию ее предавать.

– Хорошо, что знаешь. Так это я к чему. Твоя паучиха... она уже здесь. В этом мире. Ближе, чем мы оба думали. Она всегда была рядом с тобой. Еще до того, как твоя душа явилась в это тело. И твоя мать служила ей, готовилась к твоему прибытию. Или к убийству, если бы первым появился Кэр. Хотя... теперь я думаю, что все в недоклане Амарэ в какой-то мере служат ей. Тихие, но сильные. Влиятельные, но прикрывающиеся Исталами и детьми. Да-а-а, это очень похоже на вас... – Монтано поднимает трость, разглядывает наверх в виде головы птица. – Это знание – мой тебе дар, паук. Чтобы ты успел подумать за ту минуту, которая у тебя останется, после того, как я уйду.

Монтано Эдвайс, он же инквизитор Ордена Закатной Звезды, кивает мне на прощание, спокойно покидает зал суда, не забыв напоследок стукнуть тростью о пол.

Камеры снова смотрят на меня, а Судья перестает спорить с помощником и моим адвокатом.

– Тише! Тише! Идет разбирательство!

В балагане, который называет себя судом аристократов, становится тихо.

– Константин Кибба направляется в специальное исправительно-оздоровительное учреждение имени Иосифа Сталина для обследования на наличие психических расстройств и заболеваний! В случае диагностирования таковых, он остается в спеццентре до выздоровления! В случае отсутствия, разбирательство продолжится в порядке, предусмотренном уставом Малого Совета!

Психушка, значит? Слишком очевидно... слишком предсказуемо. Вся эта муравьиная чепуха меркнет по сравнению с тем, с чем я столкнулся и еще столкнусь.

В уме отсчитываю секунды...

Сорок шесть...

Если Монтано не соврал, значит я не первый в этом мире последователь Шиилы. Мало того, к моему прибытию готовились заранее. Я не первопроходец. Но... тогда почему? Почему мне пришлось все это время тыкаться в пустоту? Догадываться, зачем я тут. Почему «мать» не могла просто поговорить со мной? Не знаю, поприветствовать в новом мире, провести брифинг. Хм... Нет, тут что-то не так. Я не верю, что она знала достаточно. Возможно, она лишь следовала указаниям, которые сама не понимала.

Меня выводят из зала с опущенной головой. Я отстраняюсь от всего. Только думаю и считаю секунды.

Тридцать три...

Монтано сказал, что она была «опустошена». Это значит только одно. Она служила Шииле и целенаправленно ее предала. Каким образом? Почему? Что сделала? Неужели из-за того, что привязалась к детям? Вот поэтому нам запрещены такие связи. Никаких жен, мужей и детей. Если начнешь устраивать романы, то тебя вышвырнут из Храма, как дворнягу. А начнешь болтать, мозги сгорят.

Об опустошение или, как мы его называем, «Плаче», знают очень немногие и это считается одной из самых сокровенных тайн Храма. Неофиты и младшие хранители считают, что это типа метафора. Ну мол согрешишь – Зевс молнией по голове ударит. И это правильно... Если бы об этом знали, то молчали бы просто из страха. А так предатели сами себя устраниют. Эдакая внутренняя чистка.

Вспоминаю слова своего учителя – Давары Соф.

«Плач? Откуда ты узнал о нем, Эйн? Нет, не отвечай. Значит, время пришло. Плач – это лишения ума тех, кто осознает себя предателем. Название символизирует плач матери, вынуждено наказывающей своего ребенка. Но ты не должен бояться ее Плача, Эйн. Скоро ты станешь Тенью, а они освобождаются от этого наказания. Потому что Тени – ее взрощенные дети. Дети, которым она доверяет всем своим сердцем. Ведь не доверять своим детям, значит не иметь их, мой Эйн»

Так она сказала... когда-то...

Вот только...

Правда ли это?

Двадцать два...

Амарэ... Амарэ... Мать была важной шишкой в этом клане. Директор говорил, что это ответвление Исталов. Знал ли что-то директор? Может ли быть, что он лишь прикидывается... Кем-то незначительным? Или им просто пользовались? Всеми Исталами пользовались. Нет, вряд ли. Но нужно держать в уме, что Исталы что-то знают. Достаточно только вспомнить слова их Главы. Он намекнул, что для них не секрет, что сумма неземного происхождения... Старый хер точно что-то скрывает в этом плане.

Меня выводят из здания суда. Прохладно. На дворе уже ночь. У входа ожидает машина с красным крестом. Заранее подготовились к тому, что меня может придется списывать, как душевнобольного.

Тринадцать...

Двенадцать...

Я безоружен. С меня сняли даже серьги и кольца.

Вокруг полиция, куча репортеров. Стопился народ, несмотря на позднее время. Узнаю среди них некоторых учеников из школы. Краем глаза замечаю высокую фигуру Кевина и Тернова, выглядящего так, будто пережил войну. Усиленно машет мне одной рукой, другая обвисла. Сломана? Всем своим видом он показывает, что ему срочно надо что-то мне сказать. Да и вообще атмосфера накаленная. Что-то случилось? Аннета в порядке? Что с Терновым произошло?

Мне срочно нужно выбираться отсюда...

Девять...

Монтано хочет пробудить во мне Кэра.

Монтано хочет, чтобы я усомнился в Ней.

Монтано буквально верит в «зло и добро»...

Монтано считает, что знает лучше бога, что такое меньшее зло...

Монтано считает, что паук символизирует зло. Для него это уже аргумент. Почему не бабочка? Или муравей?

Четыре...

Останавливаюсь. Стою с опущенной головой. Фельдшер, схвативший меня за локоть чуть не падает, пытаюсь сдвинуть с места и запихнуть в машину скорой помощи.

– Пациент, двигайся... Мать твою, ты что из камня?.. Эй, помогите!

Три...

Резко поднимаю глаза, исподлобья смотрю на фельдшера. Тот чуть отстраняется, бледнеет...

Два...

Ну давай. Делай, что задумал, инквизитор.

Ты никогда не встречал Теней Шиилы. Ну ничего... Никто нас не встречал. Нас не существует.

Но сегодня твой счастливый день, человек.

Я покажу тебе...

Один...

Глава 4. Смерть героя

Георгий Александрович

Директор школы «Новая Эра»

Георгий открывает глаза и сразу же закрывает. Яркий свет слепит. Пытается пошевелиться, но понимает, что руки связаны за спиной. Ноги тоже. При этом он сидит.

Секунда понадобилась, чтобы понять, что произошло. На школу напали. Азиатов было слишком много, а Стражей мало. Больше половины из них разъехали по домам в такое позднее время. Остальные на дежурстве. Обычно этого достаточно, чтобы решить любую проблему, но кто же мог подумать, что на школу нападает целая армия одаренных. Как минимум сотня профессиональных вояк.

Вроде бы Георгий справился с двумя... нет... тремя, прежде чем его вырубili. Ну хоть не убили. Хотя, если попался Джунам в плен, считай, что уже наполовину труп.

– Хидан, – приоткрывает глаза Георгий. Нужно привыкнуть к яркому свету. – Ты тут?

Георгий аккуратно высвобождает сумму из кончика пальца и... сразу же чувствует что-то острое в спине. Ясно. Знаменитый усиленный стул допросов Джунов, реагирующий на чужую суму. Чем ее больше, тем глубже насаживаешься на растущие шипы, а лямки на руках и ногах сжимаются, ломая кости. Но этот стул не убивает, нет. Он доставляет очень сильные страдания.

Никто не отвечает, но Георгий знает, что его слышат. Через минуту доносятся шаги:

– Очнулся, гайдзин?

Голос Хидана Мацуо не сулит ничего хорошего. Да и обращение «гайдзин», что значит «чужеземец, иностранец» тоже намекает... С Хиданом Георгий всегда был в неплохих отношениях. Несколько раз даже гостил в его доме, как почетный гость.

– Ты можешь объяснить, что это всё значит? – осторожно спрашивает Георгий. – Понимаю, что вы обычно не разглаживаете с пленными, но всё же. Ради нашей старой дружбы... Зачем всё это?

– Дружбы, говоришь? – голос приближается. – Дружбы...

Георгий еще не привык к яркому свету прожектора, но это не мешает ушам услышать, как Хидан достает катану из ножен.

– Даже так? – ухмыляется Георгий. – Видимо я чем-то сильно тебе насолил.

– Думал, что я прошу тех, кто тронул мою единственную дочь, гайдзин? Думал, можно оскорбить Джунсиначи и остаться безнаказанным?

– Дочь? Ты про Акане? – делает удивленный голос Георгий. – Это все из-за нее? Ты спятил, Хидан? При чем тут я? При чем тут школа?

Удар наверху катаны по щеке ошутимый. Георгий чувствует острую боль. На секунду он, похоже, отрубился. Но вот фыркает, языком подцепляет выбитый зуб, выплевывает его. Кровь заполняет рот. Говорить тяжелее.

– Видимо, разговор незала... ладится, – болезненно улыбается Георгий.

– Твои слова должны быть уважительными, гайдзин.

Георгий с трудом пожимает плечами:

– Я понял, Хидан. Кроме одного. Если ты всё равно меня убьешь, с чего решил, что я что-то тебе расскажу?

– Ты все расскажешь, гайдзин. И ничего не сможешь сделать. Даже самоубиться, пока я не разрешу. В этом помещении нет ничего жидкого, чем ты мог бы воспользоваться. Кровь одаренного тебе неподвластна, а твою мы... разбавили. Попробуй.

Управление собственной кровью и кровью лишенных считается пределом мастерства для одаренных предметной суммой жидкого. И Георгий владеет этими умениями. Он пробует про-

щупать себя и понимает, что его жидкости ему неподвластны. Джуны вкололи ему какую-то инъекцию.

– Хорошо, – проглатывает сгусток крови Георгий. – Задавай вопросы, Хидан.

– Это ты похитил мою дочь?

– Нет. Зачем мне это делать?

Очередной удар тыльной стороной ладони по больному месту заставляет Георгий скрежетать зубами от боли.

– Уважительнее, гайдзин. Я тут задаю вопросы. Ты лишь отвечаешь. Ты знаешь, кто похитил и порезал мою дочь?

– Вальты же...

– Соврешь еще раз и я сниму с тебя скальп. Это были не Вельтешафт.

Георгий понимает, что если расскажет правду про Константина Кибу, то его все равно будут пытаться, чтобы узнать еще что-нибудь. А потом убьют. Джуны никогда и никого не отпускают со своих... стульев. Пока те не расскажут ВСЁ.

Вот только из Георгия все равно вырвут все сведения. Джуны ломали людей и посильнее. Сначала они подавляют волю болью, а потом приглашают на допрос разумника, который вырывает все знания из ослабшей головы. Этого допустить нельзя. В его голове слишком много секретов.

Голос Хидана меняется на еще более опасный:

– Даю тебе последнюю возможность сказать что-то полезное, гайдзин. Как ты там сказал? В знак нашей... прошлой дружбы? Ты единственный из гайдзинов, чью вонь я мог терпеть. Но это изменилось, когда ты показал свою коварную натуру. Только Исталам было выгодно похищение моей дочери. Только вам...

– А еще тем, кто знал, что она пазл. Таких больше, чем ты думаешь.

– Не заговаривай мне зубы.

Странно. Очень не похоже на Хидана. Он всегда был сдержан, смотрел на мир широко открытыми глазами. Что же случилось?

– Могу я задать вопрос не переживая за свой скальп, Хидан? Возможно, мы поймем друг друга лучше...

Удара... не последовало. Уже прогресс.

– Спрашивай, гайдзин.

– Почему ты решил, что в трагедии с твоей дочерью замешаны мы? Кто-то... подсказал тебе?

– Кто-то подсказал мне, верно, гайдзин. И этот кто-то был очень убедителен. Или ты считаешь меня дураком, пляшущим под чью-то дудку?

Георгий так совсем не считает. По сути, Хидан попал в цель. Киба сговорился с Георгием, чтобы сблизить Исталов с Джунами. Но нашлись люди, которые во всем разобрались. Либо Киба наследил, либо чего-то не учел. Эх, а ведь затея казалась неплохой. Хотя если рассудить здраво, Исталы не виноваты в том, что парень похитил девочку. Разве что в том, что не мешали ему, скрыли информацию от Джунов и воспользовались ситуацией. Просто бизнес. Джуны никогда не понимали принципы бизнеса.

Хотя... А что если Киба все это спланировал? Или учел, что так может случиться? Недооценивать его давно уже опасно. Может Киба не хотел подружить Исталов с Джунами? Наоборот, стравить? Еще и зелья за это получил... Но какой смысл? Георгию достаточно про него рассказать и завтра парню не жить. Джуны не прощают такого. Или ему на это уже плевать?

Наконец-то глаза Георгия адаптируются под свет. Он различает контуры происходящего.. Черные стены, затхлость, только стул и лампы. Хидан стоит поодаль, разглядывает «гайдзина» с отвращением.

В помещении только одна дверь... Окон нет. Понятно. Значит они находятся где-то под землей. Слухи о «подвалах» Джунов стали реальностью.

В дверь стучатся и сразу же заходят. Двое. Один в черных одеждах, другой больше похож на служку. Они переговариваются о чем-то с Хиданом на японском, и Георгий искренне жалеет, что так и нашел времени подучить их язык. Но кое-что он понимает. Слова «Шмидт», «сон» и «операция». Служка очень эмоционально что-то доказывает своему хозяину.

– Вы говорите об Элеоноре Шмидт? – спрашивает Георгий, сильно рискуя своим здоровьем. – Вы и ее сюда притащили? Зачем?

Хидан поднимает руку, затыкая болтливого служку. Подходит ближе:

– Ты никогда ничего не боялся, старый друг, – неожиданно спокойно произносит Хидан. – Это я в тебе и уважал. Предан своему делу и клану, умён, хитер и готов лечь за мертвого за своих людей и учеников. Даже подозревая, что они шпионы, – достает из ножен катану. – Клянусь честью, я подарю тебе быструю смерть, если расскажешь все что знаешь про похищение моей дочери. И я не буду выпытывать из тебя остальные тайны – они нам больше не нужны. Умрешь вместе с ними. Ты же только этого боишься? Но если откажешься, то я заставлю рассказать всё. О школе, о своем главе, о ваших планах, стратегиях и политических возможностях. Я знаю, что ты хорошо осведомлен о делах своего клана. Ты испытываешь такую боль и страх, о существовании которых даже не догадывался, – Хидан хмурится. – Скажу честно, даже я не догадывался. Но последние дни мы сильно преуспели в мастерстве пыток. Благодаря одному гайдзину... Хоть какой-то от вас, обезьян, толк.

Георгий искренне задумывается. Всё верно. Всё... верно... Директор «Новой Эры» будет тянуть время и терпеть боль до последнего, но не скажет ничего о тайнах Исталов. Но вряд ли у него получится – азиаты вырвут из него всё. Сейчас у него появился редкий шанс не стать предателем ценой всего лишь одного ненужного элемента. Георгий не сомневается, что Хидан исполнит свое обещание. Потому что он истинный Джунсиначи.

В помещение забегают еще один взволнованный азиат. Похоже что-то произошло, раз в процесс допроса вмешиваются слуги. Хидан жестом велит ему замолчать, смотрит только на Георгия:

– Так что ты решил, гайдзин? Поверь, это очень щедрый дар. Он сохранит твою честь перед кланом и ты умрешь с достоинством. «Да» или «нет»?

– Да, – сквозь зубы соглашается Георгий. – Это приемлемо.

– Говори.

– Константин Киба.

– Что? – сводит брови Хидан.

– Твой специальный консультант по пыткам обвел тебя вокруг пальца, Хидан, – с грустью улыбается Георгий. – Это он похитил твою дочь и он же извлек из нее пазл, наняв филзели. Уверен, он обыграл все так, что вы теперь еще ему и обязаны. Моя вина лишь в том, что я не спешил об этом рассказывать, зная вашу... вспыльчивую натуру. Да и ваши разногласия с Вальтами Исталам выгодны. Не стоит судить нас за это, Хидан.

– Что за бред ты несешь? – рычит консул Джунов. – Этот наглый мальчишка лишь выскочка, начитавшийся интернетов. Гениален, думает только о власти, но такие встречаются. Я знаю его отца, поэтому не удивлен... Он сам рассказал где моя дочь и... – Хидан замолкает, явно о чем-то догадываясь. – Ксо! – ругается по-японски, ходит туда-сюда. – Ксо! Ксо! Так вот оно что... Теперь все становится на свои места...

Георгий вспоминает записи с жучка Кибы, который на тот момент находился в своем доме, в Зеленограде.

– Твоя дочь согласилась на это похищение, чтобы избежать брака с семьей Ито, так что не спеши рвать и метать. А еще я думаю, она испытывает к Кибе какие-то чувства.

Хидан резко останавливается, напрягает мускулатуру:

– Что ты сказал?

Георгий с самого начала терпел боль по всему телу из-за штырей, проткнувших ему кожу. Он нащупал какое количество суммы может высвободить, чтобы критично не навредить себе. Это позволило ему искать... искать... искать... Грунтовые воды, лишенных... Хотя какой-то источник жидкости в радиусе, где может ее контролировать. Но азиаты всё предусмотрели. Ведь допрашивать одаренных непросто. Нужно соблюсти определенные условия и иметь подход на каждого.

Но... они знают не всё о возможностях Георгия. Он переводит взгляд на азиатского слугу, вошедшего последним. Он одаренный, поэтому его кровью не воспользоваться – это уже давно часть его организма. А нужно что-то чистое... не успевшее пропитаться чужой суммой.

Вода? Нет, они ее не пили. Догадались, значит.

Что ж. В организме живых существо достаточно... временной жидкости. Не удивлен, что такие как Джунсиначи об этом не позаботились. Да и то, что Георгий в состоянии управлять ЭТИМ не знает никто. Ему даже не хочется вспоминать те отвратительные тренировки... Жаль, что с Кибой тогда не удалось провернуть этот трюк на крыше. Не были соблюдены все... хм... условия.

Георгий улыбается окровавленными зубами:

– Похоже, твой раб очень любит энергетики с саке и сегодня долго терпел... Бедняга. Хидан, ты даже в туалет их не отпускаешь?

За долю секунды происходят сразу несколько событий. Хидан резко оборачивается, смотрит на слугу округлившимися глазами.

Шипы из стула начинают удлиняться, реагирую на выплеск большого количества суммы, пронзая мясо и причиняя неопишуемые страдания.

Слуга хватается за пах. Большое количество жидкости в мочевом пузыре начинает разрывать его изнутри.

Один...

Ну давай, инквизитор, покажи из чего ты сделан.

До заседания меня обшмонали. Каким-то сканером, определяющим сумму, поэтому пронести с собой что-то опасное я не смог. Но это не значит, что на протяжении всего разбирательства я ничего не предпринял.

После того, как я побывал у Патрика, я не только создавал костюмы человека-паука. Я превратился в настоящую швею, перелопатив весь свой гардероб.

У меня было целых два часа, пока муравьи осуждали меня. Я медитировал, используя техники дыхания альва, чтобы медленно, почти незаметно, запитать рубашку под пиджаком, расшитую шелковыми нитями. Обычно на это уходит больше времени, но я не зря уделял столько времени адаптации этого тела к техникам альва и улучшению контроля над единственной материей – шелком.

Под крики людей и впавших в прострацию полицейских, мой пиджак разрывает в клочья, оголяя торс. Пользуясь суматохой, я запрыгиваю в машину скорой помощи, блокирую дверь, набрасываю нити вокруг шеи водителя, как удавку.

– Газуй.

Водила в ступоре, смотрит на меня очумевшими глазами, а я...

Моргаю...

Один раз... Второй...

Что за...

... хрень я вытворяю...

Машину окружают. Водила в шоке, разумеется он не газует, пытаюсь сорвать с шеи нити. Он слишком туп, чтобы быстро осознать настолько неожиданную реальность.

– Поднять руки! Выйти из машины! – орут полицейские снаружи. Некоторые из них одаренные.

Если машина тронется с места, они начнут стрелять. Вряд ли тут усиленные суммой стекла.

Какого...

– Дёрнитесь, я отрублю ему башку! – ору в ответ.

Краем глаза вижу Кевина и Тернова. Они пооткрывали рты, как идиоты, не понимая, что им делать. То ли помогать, то ли бежать, то ли продолжать стоять и втыкать в идиотизм Константина Киба.

Эйн Соф, это был твой план? Seriously? Окруженный полицейскими, одаренными, толпой зевак и прессой, взять заложника и запереться в машине скорой помощи?

Ладно, сдаюсь...

План был в том, чтобы подвергнуть себя риску. Довести ситуацию до того, чтобы меня попытались убить. Инквизитор сказал, что я нужен ему живым. Что во мне Кэр. Что он будет делать, если меня публично попробуют застрелить?

Стоп.

Что-то не так...

Я просто оправдываю глупость своего поступка очередной тупостью.

Думай, Эйн Соф. Тут что-то не так. Ты сам не себя не похож.

Что-то... совсем... не так...

– Последнее предупреждение! Вылазь! Из! Машины!

– Закрой рот! Я думаю! Выстрелишь, я успею отчеккрыжить ему башку! Клянусь!

Водила бьется о руль, краснеет. Ослабеваю нити. Сдохнет ещё раньше времени.

Несмотря на происходящий хаос, я закрываю глаза, погружаю мозг в интенсивную обработку происходящей чуши. Допустим, инквизитор меня спасет. Какой мне в этом резон? От него нужно бежать, а не ждать спасения.

Догадка бьет гонгом по сознанию.

Опускаю голову, на манер директора тру виски, вздыхаю.

Эйн Соф, ты... идиот.

Притом полнейший.

VJIIIIIIIIIIIIIIIIIIIXXXXXX!!!

Голова водилы отваливается, падает ему к ногам, прижимая лбом «газ». Машина трогается с места, давя людей.

БАМ! БАМ!!!

– Косые! – нагибаюсь я к коленям. Пули проносятся над головой, сыпется стекло и пластик.

Машина во что-то врезается. Мягкое, упругое. Видимо, люди разлетаются во все стороны. Под колесами что-то зачавкало.

С очередным вздохом я выпрямляюсь, расслабленно сижу на кресле, смотря в окно. Машина продолжает ехать, сбивая урны, ограждения и даже столбы. Ну танк танком просто.

Наклоняюсь, достаю голову водилы, держа ее за волосы.

– Может уже хватит, инквизитор?

Какое-то время смотрю в мертвые глаза. Неожиданно губы водилы изгибаются в легкой улыбке.

– Понял, значит?

– Ты меня правда держишь за полного идиота? – спрашиваю отрубленную голову.

– Нет, паук, не держу. Я впечатлен. Несмотря на то, что мозги у тебя глупого подростка, ты довольно быстро сориентировался. Но мне хватило времени, чтобы понять на что ты сейчас

способен и что примерно попытаешься сделать. Значит, опять нити? Прошил их когда-то в одежду и зарядил в процессе разбирательства. Это все?

Он прав. Предсказуемо. Надо что-то менять в своей стратегии.

– Ага. Это всё, – киваю. – Ну, а ты? Нашел сознание Кэра, пока устраивал это представление?

Секунду голова смотрит на меня молча.

– Ты и это понял?

– Ты слишком плохо продумал сюжет этого бреда, инквизитор. Логично, что ты занят чем-то другим. Seriously? Отрубленная голова придавила педаль газа? Кстати, останови машину. Это смешно. Скорая помощь на автоматической коробке передач? В Москве? Водитель все это время держал машину на тормозе и не стоял в режиме паркинга?

– Неплохо, паук.

– Мне тебя тоже похвалить, что я даже не заметил как легко ты обошел мой ментальный заслон?

– Понятно почему Кэр не может тебя подавить. Значит, ты успел разобраться даже в тонкостях земных автомобилей. За столь короткий срок? Мне понадобилось полгода, чтобы я перестал просто воспринимать их железными монстрами.

– Я знаю, что ты делаешь, инквизитор. Не тяни время. Я не пущу тебя глубже в себя.

– Жаль, – отрубленная голова меняет голос на спокойный, холодный. На голос Монтано Эдвайса. – Полагаю, ты сам знаешь, что дальше делать.

Голова закатывает глаза, высовывает язык. Вот теперь она больше похожа на мертвую. Выбрасываю её из окна.

Пум.

Хм, мы только что сбили чихуахуа? Чем воображению Монтано не угодили эти мелкие тварюшки?

Так, ладно. Чем дольше я здесь, тем глубже он залезет.

Нити оживают, обматываются вокруг моей же шеи. Слегка улыбаюсь.

– Как же я не люблю это дело...

ВЖИИИИИИИИИИХ!!!

Моя собственная голова слетает с плеч. Разумеется, боль я почувствовал. И намного сильнее, чем должен был почувствовать от отрубания головы.

Раздери тебя демоны в бездне, инквизитор.

Глава 5. Сумма реальностей

Патрик Эдвайс

Патрик очередной раз выбрасывает в урну письмо для матери. Ему нравится все старомодное. Пергамент. Перо. Чернила. Они стоят больших денег и их тяжело достать, но это только прибавляет лоска его маленькой слабости.

Патрик задумчиво смотрит в окно и... с рыком отбрасывает перо в сторону. Чернильница переворачивается, пачкая рукава.

– Константин Киба... – зло шипит. – Ты знал, что я не смогу выдать твои секреты... Ты знал...

Патрик отчаянно дергает головой.

Варгон! Другой мир! Это... это...

ПРЕКРАСНО!

Патрик Эдвайс не всегда был таким, каким его знают люди. Высоким, красивым, умным, влиятельным. Настоящим лидером. Никто не знает, о том, что раньше он был тощим и забитым парнем, отлынивал от учебы, тренировок. Сутками сидел за компьютерными играми. Был героем в фэнтезийных мирах. Злодеем в ролевых кампаниях против Светлых Эльфов.

Мать выдернула его из пучин наивного задроства, сделала его тем, кто он сейчас. Она говорила, что он живет в мирах фантазий. Всего этого не существует. К сожалению, она была права...

Пока в этот унылый мир не явился ОН.

Из-за него Патрика снова затягивает в прошлое... Он постоянно вертит в голове чужие воспоминания. Катакомбы с живыми скелетами? Огромные крысы? Леса такой красоты, что невозможно оторвать взгляда от крон... Невиданные животные, твари, настоящие эльфы, тролли, полурослики и... магия...

В воспоминаниях Константина Кибы он был... очень и очень силен. Весь мир был на его ладони. Он мог бегать со скоростью автомобиля. Мог стать практически невидимым. Мог голыми руками справиться с шестипалым медведем и... мановением мысли уничтожить целые деревни, используя плетения темного эфира. Магию...

А... Храм Шэйлы? Это же настоящая Академия Магии. С уроками, тренировками, заданиями, каждое из которых похоже на настоящий квест. Потом взросление, становление, тайна, что храм Шэйлы лишь прикрытие для еще более загадочной Академии, где есть Архимагистры и... Тени Шиилы – второго воплощения Шэйлы.

Патрик Эдвайс кое-что нашел в мыслях Константина Кибы. Возможно, сам Киба не понимал, как ему... нравилось то, кем он был. Повелителем мира. На грани становления богом. Патрик может анализировать память Кибы не так, как он сам это делал. Поэтому он помнит «своего» учителя Давару Соф с другой стороны.

Киба не понимал этого. Эйн Соф не понимал этого, но Давара...

Величайшая из всех. Боялась своего ученика. Хотя нет. Вряд ли она испытывала такие чувства. Скорее, она благоговела перед ним.

Еще бы... Старейшей Тени Шиилы, Альву Аранаду, было две тысячи лет. Трехсотлетний Эйн Соф превзошел его и стал вторым среди всех. Превзошел сильнейших. Осталась последняя преграда – Давара Соф, его бессмертная учительница.

Патрик прикусывает губу до крови. Реальность... Это и правда была реальность? Неужели существуют такие миры? Неужели и правда можно быть таким... главным героем?

В дверь стучатся, заходит его любимая служанка с пышными бедрами и милыми кудряшками. Не сосчитать, сколько раз он отбивал ее ягодицы до синяков. Ох, как же она стонала от удовольствия... Когда-то раньше... давно...

– Сэр Патрик, доброй ночи, вы не спите? Я принесла вам чая...

– Спасибо, Кэт...

Служанка ставит на стол поднос.

– Не хотите?...

– Ты свободна, Кэт.

Патрик краем глаза замечает, что она оделась в любимое платье Патрика. Вроде как горничной, но сшитое, как одеяние королевы.

– Но...

– Свободна.

Кэт фыркает, разворачивается и, хлопая дверью, выходит. Совсем зазналась. Разбаловал ее.

Женщины перестали интересовать Патрика. Он встает с рабочего стола, подходит к шкафу с книгами, нажимает на красную энциклопедию. Шкаф отъезжает в сторону. Перед ним комната. Маленькая... Давно забытая... Патрик включает свет. Как много пыли. Тут давно никто не убирался. Геймерский стол, устаревший на текущий момент компьютер, сотни аниме статуэток, эльфиек, рыцарей. Стеллажи с дисками и всеми видами игровых приставок.

Патрик подходит к настоящему произведению искусства геймерских столов, ладонью протирает ЖК-монитор от пыли.

Много лет это комната была его единственной радостью.

Константин... Нет. Эйн Соф хочет сделать все это реальностью? Он хочет сделать мир магии? А вместе с магией могут прийти и другие. Мистические животные, расы... Некоторые плетения эфира настолько прекрасны, что могут создавать леса, болота, подводные миры русалок, воскрешать мертвых. Сумма на такое не способна.

Нельзя мешать Константину Кибе. Ему нужно помочь.

Патрику уже плевать, кому достанутся пазлы. Вальтам, Джунам... Фрагорам. Лишь бы они ими воспользовались. Даровали миру МАГИЮ!

Новой Смуты на этот раз не будет. Эйн Соф умен. Намного и намного умнее любого из людей. В его голове знания, которые помогут нам – простым людям. А Патрик станет... настоящим героем. Потому что он успел зачерпнуть знания о плетениях эфира.

Если бы он только мог ими воспользоваться...

Патрик смотрит на свою ладонь, выдавливая из себя сумму, мысленно представляет фигуру, концентрируется на образах и... Только чувствует покалывание в пальцах. Если бы он был в Варгоне, то перед ним выросло бы дерево, пробив потолок. Но сейчас... только покалывает пальчик. Пробовать колдовать на Земле – то же самое, что стрелять из вилки по танку.

Но если появится НАСТОЯЩАЯ магия... Тогда Патрик сможет одним движением руки вырастить целый лес на сотни метров вокруг. Это очень сложное заклинание. Даже в Варгоне на это способны немногие.

Но Патрику повезло. Теперь он знает о таких заклинаниях из головы Константина Кибы. Когда магия появится в этом мире он будет... как настоящий герой из компьютерной игры. Отличаться от всех. Будет сильнее всех. Умнее.

Разве же он может предать Эйн Софа? Предать магию? Если он расскажет об этом матери, то та предпримет все, чтобы усложнить жизнь Константину Кибе. Сейчас же он один... Все его союзники лишь временны, либо ненадежные. Константин Кибя один... Один во всем мире...

Но... Патрик – он тоже в каком-то смысле Эйн Соф.

Разве можно предать самого себя?

Нет. Патрик Эдвайс унесет все тайны Константина Кибы в могилу. Никакая попытка Джун не заставит его снова потерять это ощущение прекрасного мира. На этот раз не из программного кода, а реального...

Мало того...

Медиокрис сэр Патрик Эдвайс станет самым верным последователем Первого Хранителя Шэйлы, Тени Шиилы. В новом, замечательном мире магии и эльфов.

Патрик разворачивается, открывает шкаф с одеждой. Раньше тут висели костюмы человека-паука, бэтмена, Гендальфа, мантия Гарри Поттера, шляпа Капитана Джека Воробья. Сейчас же тут...

Десятки странных костюмов из шелка. Все запитаны суммой до самого предела. Они выглядят хаотично, из неравномерных кусков материала. Никто, кроме Эйн Софа не понял, бы что это такое и как этим вообще можно пользоваться, как оружием. Никто, кроме него... И Патрика. На верхней полке десяток зелий «Синхрониум-два». Они позволяют остаточным предметникам пользоваться материей, запитанной другими одаренными.

Один из «паучьих костюмов» заготовлен лично для Патрика. Запитан его суммой. Каким-то образом шелк стал повиноваться его воле, после того, как он побывал в голове Константина Кибы. Ну разве это... не магия?

Одной рукой Патрик дотрагивается до нежного шелка своего костюма, другой расстегивает пуговицы на вороте белоснежной рубахи.

Что бы ты не задумал, держись...

– Прости, мама, но я... – слегка улыбается медиокрис сэр Патрик Эдвайс. – ...выбираю его мир.

Ты не один, Тень Шиилы. Помощь идёт.

...в случае диагностирования таковых, он остается в спеццентре до выздоровления! В случае отсутствия, разбирательство продолжится в порядке, предусмотренном уставом Малого Совета!

О, так вот когда инквизитор захватил мой разум. Похоже, я отвлекся, вслушиваясь в решение суда... Теперь понятно, как он так мастерски управляет толпой. Бьет тростью по полу, люди отвлекаются, немного в недоумении, чем и пользуется инквизитор. Казалось бы мелочь, но вон даже я попался.

Вот только второй раз на меня это не подействует. Мы оба это понимаем.

Потираю шею. На ней нет и следа, но больно до сих пор. Дети, никогда не отрезайте себе головы. Seriously.

– Полагаю, – морщусь я, – минута больше не понадобится?

– Мне нужно было подтолкнуть тебя и понять, чего ожидать.

– Нашел своего Кэра?

Монтано сверлит судью безразличным взглядом, на меня не смотрит.

– Очень странно, но... нет. Либо ты очень сильно подавил его волю, либо...

– Либо?

Лицо Монтано на миг чем-то сильно озадачивается. Молча, он встает. Так же, как и в иллюзии, поправляет фрак и уходит, ударив у входа тростью по полу.

Вот что это значит? Что «либо»?

Те же люди выводят меня к скорой помощи, там же стоят Тернов и... так же машет мне. Такой же грязный и со сломанной рукой.

Так-с...

А вот это очень странно. Реальность очень похожа на наше совместное с Монтано воображение. Я не мог знать о том, что Тернов потрепан и ждет меня на выходе вместе с Кевин-ом. Я не мог знать, что он будет подавать знаки из толпы. Но в иллюзии Монтано было так

же. Значит, он создал в моей голове события, которые произойдут в реальности? В недалеком будущем? Что за бред?

Насколько же он... гениален? Как много мелочей подмечает? Или дело не в этом?

Первый раз мне становится не по себе от способностей инквизитора. Он что, предсказывает будущее? Или его аналитика на грани... божественного провидения? Откуда у него такие умения?

Что за...

На что способен орден? У Монтано нет сосуда, а значит он в полном своем расцвете сил. Такой, как был в Варгоне.

Признаю, Монтано не обычный инквизитор.. Его подготовили к появлению в этом мире. На него возложили важную миссию. Могущественный Орден Закатной Звезды знал, кого посылать на Землю.

Хотя кое-какая разница заметна. Сломана у Тернова левая, а не правая рука, как в иллюзии. Народ чуть другой, лица тоже. Массовка сильно отличается. Ладно, подумаем об это позже...

На этот раз я не вытворяю дичь. Сажусь в скорую. Два широкоплечих санитаров и одна миловидная санитарочка садятся со мной. Трогаемся с места.

– Мне бы позвонить, – выбрал я из санитаров свою жертву.

– Не положено.

– Да что вы говорите? Решения суда еще нет, преступником меня не признали. Я почти добровольно еду на обследование. Вы отказываете аристократу в его законных правах? Как ваше имя, я запомню.

Санитар явно мешкается. Он не был готов к такому давлению. Хотя мы оба понимаем, что выбора у меня не было. Если бы я не сел в скорую добровольно, с улыбкой, то меня бы запылили. Попытались бы, по крайней мере.

Прислушиваюсь. За нами едет несколько машин. Не знаю кто это, но явно те, кто хочет, чтобы я доехал до психушки, и не сбежал. А если я без наручников и смирительной рубашки, значит я пока аристократ, официально не арестован, не психопат и не тот, кого стоит принижать видимым конвоем. Это мне на руку.

Санитары переглядываются.

– Просто дайте свой телефон позвонить. Эти добрые доктора ничего не расскажут, я уверен, – киваю на двух других.

– Я сказал, не положено... сэр.

Пожимаю плечами:

– Жаль. Придется мне рассказать вашей супруге, что у вас вот с этой милашкой... – улыбаюсь очумевшей девочке в белом халате с длинными ногами. – Служебный роман.

Я не просто так попросил именно этого мужика из тройцы. След от обручального кольца на его пальце свежий – носится недолго. Мой чуткий нюх уловил, что женский парфюм не только на девушке. Небольшой засос на шее и едва заметный след от губной помады на воротнике. Такого же цвета, как и у девушки на губах.

– Ты что несё...

Мужик пытается встать, побычить на меня, но я кладу руку на его плечо, с силой вдавливаю на своем месте.

– Сидеть. Не меня заперли с вами, а вас со мной.

Другой санитар реагирует чуть быстрее, но сразу же огребает каким-то железным медицинским агрегатом, который я заметил, когда зашел в скорую. Он скручивается, падает мне в ноги, воеет, схватившись за нос.

Девушка явно хочет завизжать, но ей хватает одного взгляда, чтобы заткнуться и забиться в углу. Прислушиваюсь. Водитель не услышал... Хорошо...

– Телефон. Живо.

Можно было, конечно, продолжать давить «служебным романом», но чутье подсказывает, что время терять нельзя. Вдавленный санитар смотрит на своего корчащегося коллегу, на меня, сглатывает. Судорожно достает мобильник из кармана, передает.

– Не рыпайтесь. Спокойно доедем, ни у кого не возникнет проблем. Поскользнулся, стукнулся. Бывает. Вам всем предельно ясно?

Санитарка судорожно кивает. Побитый мужик скулит, но я предполагаю, что он всё понял. По глазам второго вижу, что этот тоже все уяснил.

На память набираю номер Тернова.

– Это Киба. Говори.

– Твою мать, Костяныч. Ахренеть...

– Без эмоций. Говори четко и коротко. Без имен. ОНА в порядке? – имею в виду Аннету.

– Да, все гуд. Почти по плану. Но наша Э...

– Без имен.

– Сиськастая, жопастая, опасная, без ног.

– Ну?

– Школу расхерачили, Костяныч! В хлам! Джуны приперлись за жопастой, как я понял. Думаю, взяли живой. Теперь они пираты. Вне закона. Ты новости в своем суде не смотрел?! Война, Костяныч!

Гниль подземная! Это плохо. Как минимум, что этого я предсказать не смог. Где-то ошибся. Очень много планов придется пересмотреть.

И еще... что-то не так.

Слишком неожиданные ситуации происходят только, если кто-то мне мешает. Или помешал что-то учесть. Что-то важное.

Джуны напали на Исталов? Этого не должно было случиться. Совсем. Где мотивы? Причины? Что я не заметил?

– Они напали на школу из-за НЕЁ?

– ХэЗэ. Слушай! Она велела передать, – голос Тернова меняется. – Сказала, что какая-то очень редкая штука в ней по линии... мутантов. Типа того. Велела сказать только тебе и что это очень срочно.

– Понял... – поджимаю губы. – Следуй плану.

Сбрасываю вызов, кидаю санитару на колени, сажусь напротив него, отталкивая в сторону ноющего. Мешается под ногами.

Очень важная вещь? В Элеоноре?... То есть... кхм... эмбрион? Даже еще не человек, а так...

Во имя Шиилы... Он пазл? Как? Почему? Насколько мал был шанс? Как это вообще возможно?

Думай...

Была ли Элеонора основной целью? Если да, то Джуны поставили на нее всё. Так делают, когда нечего терять или... близки к цели. Пазл по линии «мутантов». Фрагоров? Если это так, то он действителен редок – я об этом знал. Найти такой очень тяжело и он вряд ли был в школе, но Джуны как-то смогли. Как? Как они поняли, что в ней зреет такой ребенок-пазл?

Думай...

Но важнее другое. Вряд ли Джунам нечего терять. А значит они близки к цели. И если решились на такое ради самого труднодоступного пазла, значит они... нашли остальные.

И это хорошо...

По сути, мне надо просто прикрыть их. Дать соединить все пазлы и воспользоваться этим. Проследить, чтобы никто им не помешал.

Мужик со сломанным носом перестает мычать, поднимает на меня залитое кровью лицо с озверевшими глазами. Мне достаточно приставить палец к губам, чтобы он перестал думать о безрассудном нападении на меня.

Машина проехала уже три-четыре километра. На юг. Не знаю, где эта лечебница, но если сначала я хотел какое-то время там погостить и разыграть парочку карт, то теперь всё иначе.

Элеоноре вспорят живот? Или что? Возможно, убьют. Обоих.

Ну и что?

Кровь Альва...

Ничего подобного. Я не Альв. Я человек.

Точно ли человек?..

Сомнения. Сомнения. Тревога...

Гниль подземная! Думай!

Элеонора передала сведения через Тернова, потому что считала, что я побегу ее спасти. Думала, что мне лично нужны пазлы. Но это не так. Мне нужно, чтобы их кто-то собрал. Пока все идёт по плану...

Но...

Монтано, как и я, может догадаться в чем дело и почему похитили Элеонору. Понять, что Джуны близки в поисках всех пазлов, поэтому устроили такой хаос на ровном месте. И начнет действовать. Пока что он отвлекся на меня. Не знаю, где он и что делает, может сидит в тех машинах, которые едут за скорой.

А может... он уже ищет Джунов и Элеонору? Я бы наплевал на всяких Кэров, когда становится так жарко.

Второй вариант правдоподобнее.

Он убьет ее. Уничтожит редкий пазл.

А ведь моя цель так близка...

Думай!

Нужно ему помешать.

Обвожу взглядом охеревающих сотрудников психички. К таким пациентам они готовы не были. Позволяю себе легкую улыбку:

– Итак, господа... и дамы. Сейчас мы поиграем с вами в одну игру. И скажу честно, лучше вам играть очень и очень убедительно. Потому что у меня до предела испортилось настроение. Всем понятно?

Глава 6. Последний зайчик

– Сэр.. у меня дети, – ноет санитар, теребя в руках телефон.

– У меня тоже, – безразлично пожимаю плечами. – А теперь слушаем меня очень внимательно.. и возможно... лишь возможно... вы еще увидите своих детей, жен и кто там у вас еще.

Все верно. Ты – Константин Киба. У тебя есть цель. Никаких сомнений. Никакой жалости. Если понадобится, эти незначительные пешки отдадут свои жизни ради цели. Ради неё.

Right here, right now, как говорится.

Времени на сюсюканья не осталось.

– Итак, господа, – перевожу взгляд с одного санитаря на другого, потом на девушку. – И дамы. Давайте я вам покажу чудеса медицины и расскажу о последствиях, если вы будете играть нечестно...

– Мы обычные лишенные... Сэр...

Встаю, ковыряюсь в специальном отделении медицинского инвентаря, нахожу шприцы. Рву их зубами, достаю пять игл.

Машина скорой помощи не доезжает до специального центра Исталов. Водитель видит в боковое зеркало, что из машины прямо на ходу выпрыгивает пациент.

– Едрить! – жмет на тормоза.

Машины сопровождения тоже останавливаются, чуть не врезавшись в зад. Водитель скорой выбегает.

– Он убегает, млять! – машет руками конвою. – Убегает!

Из черного БМВ выскакивают двое, бегут за пациентом.

– Вова! Вова! Он ранил Пашку! Вова! – кричит Катька.

Водитель обегает машину, видит окровавленного Пашку, ахает. Весь в крови, избитый так, что лица не различить за этим месивом. Саня и Катька суетятся над ним, пытаются остановить кровь, наложить повязку.

– Вовочка, гони! – истерично кричит на водителя Катька. – Это не по нашей части! Теряем! В больницу!

Из второй машины сопровождения выскакивает мужчина в черном пиджаке, быстро оценивает ситуацию в скорой, морщится от кровавого зрелища и тоже пускается в погоню за пациентом.

Дважды Вовану повторять не надо. Раньше он работал на машине реанимации и знает что такое «жизнь за секунды». Именно вот от таких ситуаций его нервы и не выдержали, перевелся в психушку.

Хер с этим сбежавшим психопатом. Далеко не убежит. Мужики из БМВ – сразу видно – люди серьезные. Вова мигом возвращается в машину, дает по газам.

Темно... Но Вова опытный водила. Уже через пять минут он добирается до ближайшей больницы. Повезло, что рядом. В зеркало заднего вида замечает, что одна из машин едет за ними? Вот зачем? Пациент же убежал...

В больнице их уже встречает бригада скорой помощи. Принимают пациента, увозят в реанимацию.

Вова выходит, нервно курит рядом с коллегами. Из машины сопровождения выходят еще двое, один идет в больницу, но его не пускает охрана. Он показывает ксиву – теперь пускают. Важная какая колбаса, а! Второй мужик приближается к ним и тут, неожиданно для всех, Катька визжит мужчине, показывая пальцем на больницу.

– Это он! ОН! ОН НАС ЗАСТАВИЛ! ПЫТАЛ!

Вова открывает рот, сигарета выпадает. Мужик в черном соображает быстрее, несется в больницу, легко отпихивая охрану уже без всяких ксив.

Че происходит-то? Кто «он»? Пациент? Он прикинулся избитым санитаром? Кто тогда выпрыгнул из машины?! Едрить-колотить!

А потом вообще происходит что-то непонятно...

Тот, кого он в темноте принял за Степу рядом с Катькой, снимает медицинскую шапочку, маску. ПАЦИЕНТ! Это же тот самый псих!

Вот знал Вован, что перед сменой бухать не стоило. Сначала, якобы пациент, выпрыгивает из машины, сейчас Катька орет, что он, оказывается, замаскировался под избитого, а теперь вон оно как... Бр-р-р... Наваждение...

Вова в ступоре, не понимает, что делать и что происходит. А пациент... шлепает Катьку по заднице и та истерически взвизгивает, подпрыгивает.

– Умница, – хмыкает пациент. – Все как по нотам. Не переживай, я блефовал. Поболит и пройдет.

Вова замечает, между его пальцами иглу.

– И еще, – прижимает палец к губам. – Наша игра еще не закончена,

Он медленно, спиной, отступает в тень. Вова только видит, как он... растворяется что ли? А потом звук: – Т-с-с-с-с-с...

Единственное, что наконец-то приходит в голову Вовы:

«Колдун е....»

Оторваться от преследования оказалось сложнее, чем я думал. Среди преследователей, как и ожидалось, был скоростник получше меня.

Если бы не мои умения прятаться в тених и колоссальный опыт в таких делах, поймали бы точно. Но главное что сейчас я сижу у какой-то помойки, тяжело дышу. Воняет тухлыми овощами, зад промок, но мне плевать. Главное, что получилось.

Люблю, когда планы «А» срабатывают как надо. Если бы тот хрен решил проверить наши лица в скорой, то дело бы усложнилось. Но мышление людей довольно предсказуемо в экстренных ситуациях. Перед тобой два санитары откачивают умирающее месиво, а значит мешать нельзя. Люди просто не верят в киношные ситуации. Они действуют наиболее логичными путями, опасаясь осуждений и выговоров начальства, какими бы они профессионалами не были.

Вздыхаю, встаю. Вот тебе и аристократ. Из князи в грязи. Сбрасываю с себя окровавленный медхалат, выбрасываю в мусорку. Осматриваюсь. Вообще не понимаю, где я. Какие-то трущобы с крысами. Это точно Москва? Не рыночный район Мидранга в Варгоне?

Так.. слышу... звон посуды, жесткую музыку. Неподалеку какой-то банкет. В такое время? Наверное, ночной клуб. А я на его задворках. То-то запашок такой блевотный. Сюда выходят облегчиться подбуханные, уставшие и веселые.

– Хватит... перестань... ну хватит... у меня голова болит... не хочу...

– Да ладно, чего вдруг ломаться стала. Мы на полкарасика...

Задрипанная дверь открывается, вваливаются два бухарика и девушка, больше похожая на «ночную бабочку». Толстовата, грима в три сантиметра, волосы розового цвета.

Меня замечают.

– О, парниша... э-э... здорово.

Киваю. Девушка смотрит на меня, как на «спасителя принцесс», но сразу же грустнеет, понимая, что мне не более двадцати. Что тут поделать против двух серьезных дядек.

– Малой, тут взрослые пришли побаловаться, – улыбается тот, что выглядит потрезвее. Почти дедок. Волос мало. Усики мерзкие, мокрые.

Второй – лысый толстяк с красным лицом и прыщами. Лет под сорок. Может чуть меньше.

Не отвечаю.

Дедок нервничает:

– Малой, ты непонятливый? Культурно же прошу. Сдрисни. Не дорос еще.

– Где мы? – спокойно спрашиваю я.

– Чег-о-о-о? – подает голос толстяк, показывая, что у него тоже есть хер. – Ик... Слышь, ты чего такой тугой?

– Это ночной клуб? Как называется? – киваю на дверь. – Есть телефон позвонить?

Толстяк со стариком переглядываются. Чуть расслабляются.

– Ты заблудился что ли, малой? Или insult? – подходит ближе толстяк, лыбясь своими еле заметными губами сквозь жировые прослойки губами..

ДЗЫНЬК!

Звук разбивающегося стекла о что-то твердое.

Толстяк оборачивается, я наклоняя голову вбок, чтобы посмотреть, что же произошло.

Старик лежит на спине прямо в помойной луже. Кровь течет по виску. Девушка держит в руке горлышко от бутылки, тяжело дышит. Нормально она его приложила. Поднимает глаза на нас, охеревает и... задрал юбку, чтобы не мешала, срывается с места так, что даст фору любому скоростнику. Только шатается на бегу во все стороны. Пропадает в темноте, а через секунду в проулке визжат коты, потом звук падения, мат.. и... храп.

Хмыкаю.

– Ну, сучка, – с грустью смотрит на старика толстяк. – Мы же ей двадцатку запла...

ДЗЫНЬК!

На это раз падает толстяк. А я отбрасываю бутылку в сторону.

Вот как хорошо получилось... Я просто настоящий спаситель принцесс в темных проулках. Сказка, а не жизнь. Хоть повести пиши.

Наклоняюсь, достаю из кармана толстяка бумажник и мобильник. Так, а где рубли? С каких пор в Москве все в долларах? Я что-то упустил? Ладно, пять долларов есть пять долларов. О, ключи от машины. Уже лучше. Осталось только найти машину и оседлать этого железного монстра. Может на этот раз получится проехать дальше первого столба.

Телефон заблокирован. Смотрю на просвет дисплея. Вижу ключ-фигуру от сального отпечатка пальца. Повторяю. Не подошло. Пробую с другого конца. О, разблокировался.

Просто на всякий случай набираю номер Элеоноры. Ожидаемо «недоступен». Но это хоть какое-то подтверждение, что Тернов мне не соврал. Сажусь на спину поверженного злодея-толстяка, открываю браузер. Пролистываю сводки новостей.

Та-ак, что тут у нас... Школа повреждена, бойня, Исталы возмущены, Вальты сочувствуют, Джуны пропали, Нота протеста, угроза войны. Исталы мобилизуются. Военные сборы лишенных, Жанна Д'Арк выпустила пропагандистский ролик выходить людям на протесты, пропал директор школы «Новая Эра». Последнее напрягает. Пропал – это не значит погиб смертью храбрых. Это может быть что угодно. Сбежал под шумок или похищен. Он знает слишком много про мои дела. Хотя я уже давно был готов, что кто-нибудь проболтается. Это вполне ожидаемо.

Толстяк бубнит во сне про какие-то звезды и несправедливость, но я не обращаю на это внимания, закидываю ногу на ногу, любуюсь на банановую кожуру на асфальте. Эх, старые добрые времена. Когда-то я так же сидел на учениках, предлагая лакомство одной из исталок.

Элеонора... Элеонора...

Куда Джуны ее утащили? Кто об этом может знать?

Есть один человек. Ли. Но он пропал. Для наемников его калибра это нормально. Может убили, может залег на дно.

Кто еще?..

Когда начался весь этот кавардак, Сэм Блэк находился в доме Хидана Мацуо... Что с ним произошло?

Так, какой у него там номер... Вспоминай...

Набираю номер. Гудок, второй, третий...

– Кто это? – голос Сэма я узнаю с трудом. Слишком серьезен.

– Киба.

– А, ты...

– Я. Как дела?

– Серьезно? Ты спрашиваешь меня, как дела, дружище? – натянуто бубнит Сэм.

– Да.

– Просто зашибись. Случилось очередное дерьмо, меня выперли Джуны на улицу посреди ночи. А потом ты, наверное, в курсе... О чем хочешь потолковать, дружище? Жив ли твой источник бабла? Или не сболтнул ли я чего... лишнего?

– Видимо, не сболтнул.

– А нафига мне это? От тебя одни проблемы, я это уже усвоил. Живи своей жизной, дружище. Кстати, надо бы встретиться, обмозговать кое-че по сайту. Ну, когда ты выйдешь из своей психушки. Как там, кстати? Матрасы мягкие?

Смотри-ка, новости быстро расходятся по миру. Уже в курсе.

– Я сбежал.

– Оу...

– Что с Акане?

Недолгая пауза. Только пыхтение в трубку.

– А я знаю, мазафака? Говорю же, меня Джуны выперли перед тем как эта жопа началась. Кстати, ты в курсе, что она в бреде только о тебе и говорила? Киба... Киба... Константин... – вот теперь я слышу эмоции. – Ладно, пофиг.

Хм... Может мне и кажется, но... что-то не так...

– Ты немного не в себе?

– Э-э-э, ну, типа, да... Как бы мне теперь ничего не светит. Отношения между кланами трещат по швам. Ты то как? Наслышан о твоих э-э-э подвигах. Аннетку значит прибил, да? Уверен, что надо было сбегать? Подлечили бы... – голос Сэма сухой, безэмоциональный. Говорит он как обычно, с «прикольчиками», но дёргано.

– Это проблема?

– Да нет, конечно, мазафака. Продолжай дальше убивать, херачить, мазафачить. Рано или поздно ты доиграешься, запомни мои слова, дружище. Аннетка была хорошая... Мне нра...

– Ты хотел встретиться? – ухажу от темы. – Зачем?

– Ага. Обмозговать тему с бабками и разойтись. Не хочу по телефону. Не сейчас, а когда ты убьешь всех своих врагов, конечно, – опять пауза. – Вот хочешь честно? Нам с тобой просто надо всё расставить по полочкам, разобраться, а потом я не очень хочу с тобой связываться, дружище. Мне от тебя не по себе и...

– Давай прямо сейчас.

– Не понял? Щас? Встретимся? – удивляется Сэм. – Ты серьезно? Подставить меня хочешь?

– Нет.

– А ты где сейчас? В каком-нибудь подвале прячешься? Вообще, я имел в виду когда-нибудь... Если произойдет чудо. Просто скажу, что я не могу тебе бабки слать с монетизации, пока ты вне закона. Без обид. Понимаю, что они тебе нужны, но... Хотя... мазафака... ладно, хрен с тобой, рискну. Все равно скучно и на душе паршиво... Куда ехать-то? Или ты приедешь?

Я тут пока зависаю на квартире одной, от отца прячусь... Время-то как раз.... эээ... полдвенадцатого. Самое оно потрещать с преступниками.

Бессвязная речь. Наигранность. Нервозность. Хм. Всё ясно.

Называю место встречи через три часа. Сбрасываю вызов, выключаю телефон, достаю симку. Выбрасываю в урну.

Встаю с толстяка, собираюсь уходить...

Слышу хрип, стон...

Похоже у старика запал язык и теперь он задыхается. Закатываю глаза, подхожу к нему, ногой переворачиваю на живот. Больше не хрипит.

Сэм Блэк

Узкоглазый мазафакер убирает телефон от уха Сэма. Азиаты ему не доверяют даже самому телефон держать.

– Вы сами все слышали, – бубнит Сэм.

Пока он не пленник. Пока его не связали. Не засунули в подвал, вместе с остальными...

Батя Акане – Мацуо-сама, сидит на стуле, напротив него. Он весь исполосан кровоточащими ранами, а пахнет, будто искупался в ванне с мочой, но выглядит так, что ему на свое состояние пофигу. Что случилось с ним, Сэм не знает. Недавно из подвала он слышал звуки боя, или как он называет «звуки жопы», но вскоре все закончилось.

– Мальчишка, – голос Мацуо-сама сквозит угрозой. – Ты пока нам не враг, а гость. Пусть больше и не почетный. И проживешь долго и счастливо, если искупишь провинность перед Джунсиначи и моей семьей.

У Сэма полыхает. Да в чем он виноват?! В том что любит Акане?! Он хочет возмутиться, но лишь опускает голову. Ему страшно. Очень страшно.

– Я хотел помочь вашей дочери... Я не знал, что он все это подстроил... Я думал, это вальты... Пошел против них ради Акане...

– Ты знал, что это он ее выкрал. – тихо говорит Мацуо-сама.

– Акане сама того хо...

Азиат в чёрной одежде и маске замахивается рукой. Сэм вжимается в стул в ожидании удара, но Мацуо-сама поднимает руку. Фу-ух, мазафака... Жив...

Сэм очень не любит боль. От одной только мысли, что его затащат в подвал Джунов его пробивает холодный мандраж.

Мацуо-сама встает со стула, на котором остаются свежие следы крови.

– Когда мы схватим Константина Кибу, то отпустим тебя. Моя дорогая дочь очень просила тебя не трогать. Говорит, что ты нежный...

Мацуо-сама позволяет себе ироничную улыбку, а Сэм еле сдерживается, чтобы не заскрежетать зубами от обиды. Нежный... Не то что Киба, да?

А еще Сэм сомневается, что его так просто отпустят. Он знает, где Джуны заныкались. А они знают, что он это знает. Но может хоть не убьют и получится побыть тут «гостем» чуть подольше. Дранный мазафакер Киба! Это же надо так подставить! Отнять Акане! Надо было сразу все рассказать Джунам! Если бы только Акане не попросила его молчать...

Мацуо-сама подходит еще ближе и голова Сэма втягивается, как у черепахи.

– Ты был не очень убедителен. Он заподозрил?

– В... Возможно. О... он сам предложил встретиться, хотя я не настаивал поначалу. Не знаю, зачем...

Мацуо-сама смотрит на азиата, говорит по-японски, но Сэм его понимает. Он учил японский ради Акане. Нельзя состоять в отношениях с одной из Джунсиначи, не зная одного из пяти основных азиатских языков.

– Подготовьтесь. Взять живым. Можете кастрировать.

Либо японский Сэма не так хорош, как он думал, либо Кибэ ой как не повезло.
Азиат в черном низко кланяется, уходит.

Голос Мацуо-сама меняется на такой, что Сэм сам чувствует себя кастрированным.

– Сэм, – называет по имени. Недобрый знак. – Ответь, он спал с моей дочерью?

Сэм немного охреневает и от одной только этой мысли вспыхивает ненавистью к Кибэ:

– Они разве не родственники?!

– Еще раз ответишь вопросом, лишишься своего статуса гостя, гайдзин.

– Я... я не знаю. Мне кажется, нет.

– Кажется, не знаю или нет?

– Не знаю.

– Ты спал с моей дочерью?

– Что?! Ой! Нет, что вы! Конечно, нет!

Сэм чуть в штаны не наложил от страха. Если бы он просто поцеловал Акане, то с него бы содрали кожу на жопе. Что уж тут говорить про секс.

– Ты... уверен?

– Да! Маз... Уверен, Мацуо-сама! Клянусь!

– Клятвы гайдзинов ничего не значат. Но хорошо, – кивает Мацуо-сама и морщится. Видимо от собственной вони. – Я тебе повторю. Если все пройдет гладко, мы простим тебя. Я разрешу тебе попрощаться с моей дочерью. Навсегда. А если я еще раз увижу что ты с ней общаешься или хотя бы смс отправил...

– Мацуо-сама, я...

– Ты. Меня. Понял?

Глаза Сэма предательски блестят. Его лишают самого ценного в жизни. Акане – ее он знает очень и очень давно. Влюблен настолько, что все остальное просто... пыль. Бессмысленно и глупо.

Сэм знает, что он идиот. Но часто тешит себя, что он умный идиот. Но не сегодня. Сегодня он идиот идиотов, потому что первый раз повышает голос на самого Хидана Мацуо.

– Но я её люб!..

Договорить ему не дают. Движения вытаскиваемой из ножен катаны так быстры, что Сэм замечает лишь «зайчика», отраженного от зеркального лезвия.

Сэм чувствуете проклятую боль. Сильную, резкую...

Боль, где-то ТАМ!!!

Но даже боль блекнет по сравнению с пониманием, что произошло!

Сэм в ужасе опускает глаза.

Лишь бы вспороли пузо! ЛИШЬ БЫ ПУЗО!

ТОЛЬКО НЕ ЕГО!!!

Глава 7. Что-то начинается...

С воображением у Сэма Блэка всегда было хорошо. Вот и сейчас. Кровь, кишки, члена нет.

– Фа-а-а-а-а-а!.. Ой!

Сэм отрывает трясущиеся руки от паха и понимает, что... он цел и невредим. Только рубашка порезана так, будто поперёк нее провели лезвием. А кожа лишь чутка красная.

– Ц-ц-ц-це-е-е-ел, – обмякает на стуле Сэм, чуть не теряя сознание.

Мацуо-сама убирает катану в ножны:

– Это последнее предупреждение, гайдзин.

Не убил? Не убил... Не отрезал? Не отрезал!

Может его положение влиятельного Новуса все еще что-то значит? Нет, Джуну, конечно, сдурели, но может у них есть какой-то план? Отец рассказывал, что в политике и войне не бывает безумных поступков. Везде есть какой-то смысл...

Акане... Где сейчас его Акане?..

Время: 01:33

Сижу на заднем сидении Лады Гранты. Я проехал пару улиц на тачке толстяка и припарковался на задворках, поняв, что, если я и смог объехать первый столб, это не значит, что так получится со следующим. Механическая коробка передач – это ужасно. Мерзкие металлические монстры! Дайте мне коня! Вороного жеребца!

Посвистываю приевшийся ритм, расслабляю мозг, стараясь не выстраивать в нем планы покорения Вселенной и тому подобные геройские штучки. Несмотря на то, что нужно спешить... спешить я пока не хочу. Минут тридцать надо потратить на очищение головы от всякой шелухи и пересмотра тех вещей, в которых я был уверен.

Сегодня пятница... Обожаю пятницу. Два выходных впереди...

Иронично фыркаю.

Людей, которые так мыслят много. Серьезно. Жизнь «пять на семь». В Варгоне тоже есть государства с нормированными днями работы. Правда там неделя длится не семь дней, а десять. Работаешь по двенадцать часов в тридцатичасовые сутки. А тут прямо зажавшаяся цивилизация.

Кстати... Почему я за двести семьдесят лет служения Шииле ни разу не задумался об отпуске? Если подумать, у меня даже выходных не было. Алкоголь, женщины, балы – все это было очень редко и как часть игры... часть плана... часть задания...

Ладно, время расслаблять мозги и думать о фигне окончено. С высокой вероятностью Сэм Блэк так и остался «с Джунами», когда всё это началось. И очень уж он пытался вывести наш разговор на встречу и узнать, где я нахожусь.

Хм...

Получается, Джуны могут знать о моих делах с Акане? Хотят отомстить?

Гниль подземная, это произошло раньше, чем мне хотелось бы. Я вообще-то планировал с них содрать долги за «спасение» Акане и узнать о Кибе Рио от Хидана.

Со вздохом пересаживаюсь на водительское место, прокручиваю в голове видео «уроков вождения для чайников».

Завожу.

Машина дергается вперед, вмазывается в зад Порш Кайена и глохнет. Сигнализация орет на всю улицу. С охереванием смотрю, что забыл поставить машину на «нейтралку».

Упс...

А я еще посмеялся про себя над Магнарам, что он полгода к машинам привыкал. Теперь понятно. Не нравятся мне эти железные монстры. Вроде и удобно, но кто придумал такое сложное управление?

Спустя десять минут я уже еду по третьему московском кольцу, стараясь не нарушить ни одного правила и не превышать. Радует, что в это время машин почти нет. Ладони вспотели так, будто я человеческий мальчишка и первый раз в своей жизни мну женскую грудь.

Встречу с Сэмом я назначил на семь утра в одной из кафешек недалеко от Парка Сокольников. Когда я «отдыхал» пару недель назад, то просматривал карты и заведения «на всякий случай». Вот случай и настал. Нужно только предварительно заехать к Тернову домой, перетереть пару важных моментов и забрать зелья Исталов, которые он должен был спрятать в школе, а потом в карманах протащить пару десятков. Остальное должны были вытащить силачи частями.

Вот только получилось ли у него? В школе наступил хаос как минимум на несколько дней раньше, чем я планировал в самом худшем случае.

До дома Тернова на задворках Москвы я добрался без всяких происшествий. На этот раз машину припарковал, как надо – на газоне. Осматриваюсь. Подмечаю, что так же припаркованы только машины марки БМВ. Может существуют какие-то негласные правила?

Набираю в домофон квартиру Тернова, он отвечает почти сразу. То, что он дома – я знал. Успел предварительно позвонить, одолжив телефон у очередного гуляки.

Спустя пару минут, мы уже в его комнате. Обычная квартирка. Ничего примечательного. Разве что повсюду гири и гантели.

Сам Вадим Тернов выглядит не очень. Побитый, с фиксирующей повязкой на плече. Еще и вид такой, будто пил неделю. Но это, наверное, от усталости и недосыпа. Хотя... нет. Он бухнул немного. Чувствую легкий запах.

– Надеюсь, привез мою премию, а? Ты, конеш, веселый парень, но я за идею не работаю. Халупу видишь? – кивает на потрёпанную стену. – Вот я хочу поближе к центру.

– Денег пока нет.

– Ну начинае-е-е-ется. Потерпите, у компании сложности, отнеситесь с пониманием. Так, да?

Тернов ставит передо мной тарелку с пюре и тремя сосисками. Непроизвольно улыбаюсь:

– Я когда-нибудь тебя деньгами обижал?

– Ну-у-у... Так и геморроя такого не было. Ладно, хрен с тобой, Костяныч. Вроде и правда не обижал... Но смотри у меня. Аннетку я, кстати, заселил в тот хостел, как ты и говорил. Вроде конура-конурой, но вопросов и правда не задают. Денег только взяли СТО-О-О-О-ОЛЬКО. Намек понятен?

Под смехок Тернова нарезаю сосиску ножом, придерживая вилок. Он хомячит их сырыми – уже седьмую. Это мне, почетному гостю, в микроволновке подогрел.

– Понятен. Кто, кроме тебя, знает, что она жива?

– Я и Элька.

Вадим Тернов и Элеонора...

... должны исчезнуть.

Аннета Гвидиче – мой самый запасной план. То, чего не существует. То, чего не должно быть ни для кого.

А теперь оказывается, что Элеонора не такая уж и простая. Во всех смыслах.

А Тернов?

Стал слишком полезным. И тут начинаются противоречия. Один всё организовать я бы не смог, а доверить это дело идиотам, которым не доверяю, было нельзя.

Ну же Эйн Соф, это твоя работа. Ты так делал много... много... раз. Ты никогда не был правильным или неправильным. Злым или добрым. Ты делал то, что требуется. То, что логично.

Вжимаю нож сильнее, чем хотелось бы. Тарелка с мерзким скрежетом покрывается трещинами.

– Ты чего? – напрягается Тернов. – Нервишки?

– Послушай меня очень внимательно, Вадим Тернов...

– Костяныч, ты чего-то меня напрягаешь, – озирается по сторонам.

Странно. Похоже, Тернов чувствует мою «жажду крови». Умение это очень редкое и просыпается только у тех, кто видел много смертей или тех, кто много убивал.

– Не перебивай, – откладываю нож, Тернов косится на него с опаской. – Представь, что у тебя есть тайна, за которую ты готов на все. Вот у меня появилась такая тайна. И это – Аннета Гвидиче. Теперь эту тайну знаешь и ты. Как думаешь, Вадим, как мне сохранить тайну, не прибегая к самым... кардинальным решениям?

– Ты это сейчас... по чесноку? Не стебешься?

– К сожалению, нет. Скажу иначе. Ты думаешь, что я не ценю тебя, делая такие скользкие намеки. Но это не так. Именно, потому что я ценю тебя, мы сейчас и разговариваем. Ты понятия не имеешь, насколько это... редкое явление.

Вадим Тернов неожиданно вскакивает с места, сваливая табурет.

Не двигаюсь.

Он пыхтит, сверлит тяжелым взглядом:

– Ну давай тогда, скотина! Думаешь, я тебя боюсь?! Хер тебе! Все это время я делал, что тебе надо! С силачами помог разобраться – со своим собственным кланом, мужду прочим! Думаешь из-за твоих вшивых денег? Правда?! Если ты такого обо мне мнения, то делай, что должен или... проваливай из моего дома, понял?!

Молча поднимаю голову, смотрю в глаза разъяренного парня. Он не понимает, что сейчас с ним разговаривает Альв, который сотни лет не позволял себе таких разговоров. Он понятия не имеет, какое доверие ему оказано.

– Сядь, – жестом указываю на перевернутый стул.

Тернов еще какое-то время пыхтит, но всё же садится.

Беру сосиску в руки:

– Расслабься, Тернов. Я решил тебя не убивать и сообщил об этом. Думай, что это значит, а не истери. Но не забывай, что если риск того, что ты проболтаешься увеличится, я тебя убью. Без колебания, – откусываю сосиску, ухмыляюсь: – Не смотри так на меня. Я заплачу тебе за производственные риски.

– Бегу и радуюсь, – бубнит Тернов.

– Так, раз мы определились с этой темой, переходим к другой.

Спустя пять часов...

– Ну что? – спрашиваю я Кевина, перелистывая журнал «Максим». И как это читают?

Сажу, накинув капюшон, в «обзорном ряду» торгового центра, неподалеку от кафе, где через час у меня встреча с Сэмом. Кевин явился спустя два часа после того, как я позвонил ему из дома Тернова, прихватив с собой пятерых самых доверенных людей.

Кевин выглядит недовольным. Он все еще не понимает, почему я «убил» Аннету, а еще почему не объясняю ему своих мотивов. Иногда мне кажется, что тут люди выполняют мои указания, только потому что боятся. Такого нужно избегать. Указания, выполненные под страхом – очень рискованная позиция.

Кевину я повторно объяснил, что Аннета согласилась на это ради общей цели. Ради того же Клуба, к которому он так привязался. Ради коалиции, которую мы начнем создавать уже сегодня вечером, если не умрем от очередной моей идеи.

– Блэк пришел минут десять назад.

– Заметили что-нибудь странное?

– Нет. Обычная шаурменная. Двое готовят, их видно. Женщина протирает столы.

– А поведение? Не нервничают?

– Нет. Слушай, Константин. Я сомневаюсь, что Джуны маскируются под двух таджиков, нарезающих курятину.

– Кто знает...

Какое-то время молчим. Кевин подсаживается, тырит у меня картошку-фри!

– Это все ради Элеоноры?

– По сути, да, – переворачиваю страницу журнала.

– Почему?

– Она поможет нам.

– Чем?

– Узнаешь.

– Поня-я-ятно. А почему Джуны на тебя ополчились? Зачем им так запариваться? Я думал, ты на них работаешь. А теперь говоришь, что они тебя ищут...

Теперь и колу мою тырит!

– Я выкрал Акане Мацуо, а они об этом узнали.

От брызг липкого лимонада изо рта Кевина меня спасает только журнал с обнаженными женщинами, которым я успеваю прикрыться.

– Ты «ЧТО»?

Откладываю бестолковый журнал в сторону, улыбаюсь:

– Тернов примерно так же отреагировал, – усмехаюсь. – Да, это я её похитил. Не Вальты. И да, Акане тоже на это согласилась, чтобы избежать ненужного брака. А я смог сравить Вальтов с Джунами.

– С... с...

Вид у Кевина такой, что мне его становится почти жаль.

– Сравить, да. А ты думал вас почему не трогают? Вспомни пару месяцев назад. Любые большие сборы неодаренных воспринимались в штыки. А сейчас у кланов других дел непереворот. А мы, тем временем, набираем силу.

– Но... почему ты мне не рассказал?

– А ты бы рассказал своему слабому, но верному другу? Которого можно поймать, пытать, допросить. Стал бы его так подставлять? Вот и я решил, что чем меньше ты знаешь, тем слаще спишь в безопасности. Но пока что это все равно тайна, Кевин. Я не уверен, что конкретно узнали Джуны и почему так на меня обозлились.

Ага, я просто душка.

– Но почему они тебе не позвонили? Могли бы прикинуться, что ничего не знают. Может ты что-то попутал? Параноишь?

– Они сейчас преступники. А я аристократ из Вельтешафт. Они ушли в тень, и теперь все вопросы решают исподтишка.

– А если ты ошибаешься? Если Сэм и правда хотел с тобой просто поговорить? Твою ж... похитил Акане... ахренеть...

– Ты мыслишь неправильно, Кевин. Если я ошибаюсь, то мы с Сэмом просто поговорим, а вы разойдетесь по домам.

Кевин выходит из фрустрационного офигевания, трясет головой:

– Я все равно не понимаю. Ты знаешь, что там может быть ловушка, но все равно идешь... Мы ничего не сможем сделать, ты это понимаешь? Джуны это не ученики школы. Это даже не силачи. Это совсем иной уровень, Константин.

– Если у тебя есть другой план, как узнать, где они спрятались, я тебя слушаю, Кевин.

– Э-э-э...

– Сэм Блэк может что-то знать. Даже если его отпустили, он мог обратить внимание на какие-то мелочи или странности, которые помогут мне ухватиться за хвост Джунам. А если с Сэмом пришли сами Джуны, то я спрошу у них.

– Да как?! Это невозможно! Мы всего лишь ученики! А они профессиональные одаренные! Убийцы!

Нервы Кевина не выдерживают, и я морщусь, давая понять, что он слишком громко возмущается.

Он понижает голос:

– Джуны вынесли всю школу... Десятки стражей ранены или мертвы. Директор пропал, его скорее всего убили. Что мы можем сделать? Константин, – Кевин нервно тербит кольцо в своем носу. – Я всегда в тебя верил... Не знаю почему... Не все твои методы мне нравились, но мне казалось, ты можешь что-то изменить. Но... сейчас другой случай. Ты идешь против одного из великих кланов с кулаками... Напрямую. Это самоубийство. И ради чего? Ради Элеоноры? Говоришь, что это ради нас, но может это личное?

Личное? Он имеет в виду историю с беременностью.

– Нет, Кевин. Не личное. Я уже очень давно не делаю ничего личного. Ответь мне на один вопрос. Ты жалеешь, что связался со мной? Ты – тот, кто несколько раз переучивался в школе, понимая, что это бессмысленно. Тот, кто годами видел, как унижают беляков, как аристократам все сходит с рук? В мире, где вы – лишь пушечное мясо, рабы. В мире, где вам есть место только рядом с унитазами, с ёршиками в руках.

Пауза.

– Я... не жалею. Наверное.

Встаю, хлопаю Кевина по плечу:

– Сообщи, когда точно пожалеешь. Тогда поговорим о том, что я делаю не так.

Захожу в кафе «Восточные Радости». Сэм нервно оглядывается по сторонам, мнет руками салфетку. Вот спросил же Кевина, не заметили ли его люди ничего странного. Да одно только поведение Сэма воняет охренеть какой странностью.

А вот торговцы шаурмы и правда не кажутся подменными. Да и японца от таджика я смогу отличить.

– Здравствуй, мой дорогой друг, – присаживаюсь рядом с бледным Сэмом. – Чего так нервничаешь?

– А, дружище, – выдавливает улыбку. – Ты пришел.

– А ты этому удивлен?

– Да нет, че мне удивляться-то. Так вот, по поводу сайт... – с ходу начинает Сэм, но я его перебиваю.

– Где находится убежище Джунов? Где Элеонора?

– Что?

– Ты думаешь, я не понимаю, что происходит?

Губы Сэма предательски дрожат.

– О чем ты, дру...

– О том, что ты проболтался, «дружище», – улыбаюсь я, передразнивая Сэма. – Но не переживай, я тебя не виню.

Что ж, по реакции Сэма видно, что я оказался прав. Не скажу, что рад этому. Я бы не отказался от варианта Кевина, где я просто «ошибся». Мой дар и проклятье – почти никогда не ошибаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.